

ДЕТЕКТИВЫ О ЖЕНЩИНЕ-ЦУНАМИ

Юлия Алейникова

Кузнец
человеческих
судеб

Детективы о женщине-цунами

Юлия Алейникова

Кузнец человеческих судеб

«ЭКСМО»

2015

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Алейникова Ю. В.

Кузнец человеческих судеб / Ю. В. Алейникова — «Эксмо»,
2015 — (Детективы о женщине-цунами)

Очнувшись в больничной палате, Яна узнает, что ее спасла от смерти бездомная собака, обнаружившая девушку в лесу и приведшая к ней на помощь людей. Как Яна оказалась в том самом лесу, она не знает. Зато прекрасно помнит, что совсем недавно получила повышение на работе и проводила в офисе проверку текущих документов. Кажется, с ними все было в порядке... Но явно не в порядке было с самой Яной, она абсолютно не помнит последние два дня из своей жизни, хотя ясно, что за это время с ней произошло что-то безумно важное...

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

© Алейникова Ю. В., 2015
© Эксмо, 2015

Содержание

Часть I	6
Глава 1	6
Глава 2	8
Глава 3	12
Глава 4	17
Глава 5	22
Глава 6	26
Глава 7	32
Глава 8	38
Глава 9	44
Конец ознакомительного фрагмента.	46

Юлия Алейникова

Кузнец человеческих судеб

© Алейникова Ю., 2015

© ООО «Издательство «Эксмо», 2015

* * *

Часть I

Глава 1

Девушка брела от сосны к сосне, то и дело приваливаясь к их теплым шершавым стволам. Сосны она любила. Прислонившись к очередному стволу, крепко обняла его, впившись в кору грязными исцарапанными ладонями, прикрыла глаза, и ей тут же показалось, что она падает, падает вместе с сосной в глубокую бездонную пропасть, ствол вращается и несется все вниз, вниз.

Девушка испуганно открыла глаза и попыталась сфокусировать взгляд. Шум пронесшейся мимо машины был совсем близко.

Надо идти. Ползти. Выбираться.

Когда, выйдя из леса, перелезала через заросшую кустарником канаву, то уже почти ничего не чувствовала, да и сознание было какое-то отрывочное, но на дорогу она все же выбралась, увидела почти рядом два ярких огня и наконец потеряла сознание. То ли от слабости, то ли от облегчения.

– ...Нет у нее никаких документов, – прорвался в тихое небытие чей-то незнакомый, пронзительно громкий голос, полоснув по нервам.

– Бомжиха, что ли?

– Да нет. Непохоже. Молодая еще и одета прилично. Только грязная очень. Обокрали, наверное, и из машины выкинули.

– Может, изнасиловали? Как думаешь? – недоброжелательно скрипел в самое ухо второй голос, старый.

– Да нет. Тогда одежда была бы порвана. Уж скорее сама дала. Может, проститутка с трассы?

– Старовата она для путаны. Скорее уж ограбили.

– Может. Ты за врачом-то сходи, осмотреть бы надо, – лениво заметил старческий голос. – Может, чего серьезное? Только ты знаешь что? Если хирург опять нажрался, лучше его не зови. Позови фельдшера. Сегодня Иван Макарыч дежурит, пусть лучше он посмотрит.

– А ментовку вызывать? – не торопясь звать доктора, отозвался второй голос.

– Не. Погоди пока. Пусть в себя придет, – подумав, ответила старуха. – Так-то она вроде целая, может, сотрясение у нее или черепно-мозговая.

Тут в волосах что-то зашевелилось, и девушка почувствовала, как чья-то огромная грубая ладонь подлезла ей под голову и пытается ощупать макушку. Она сделала над собой усилие и попробовала разлепить веки. Удалось это простое дело ей не сразу. Веки слиплись и стали пудовыми, глаза открываться никак не хотели, и ей пришлось немало потрудиться, прежде чем она увидела резкий ослепляющий бело-желтый свет.

Господи! Ну кто придумал вешать в больницах эти пыточные лампы? Она заморгала, непроизвольно морщась.

– О, очухалась, милая? – Прямо перед ней было чужое, пухлое, морщинистое лицо. – Ну что, как себя чувствуешь? Болит что-нибудь?

– Голова. – Голос звучал почти беззвучно, хрипло, и во рту было сухо, так что, казалось, горло потрескалось, как земля во время засухи.

– А еще что?

Она попыталась пошевелить пальцами рук и ног. Пальцы шевелились, больно не было. А вот тело болело. Все. И дышать было больно.

– Значит, побили тебя, – покачала головой тетка. Одета она была в несвежий белый халат, на голове – шапочка. Несмотря на седые пряди, выбивавшиеся из-под шапочки, и морщины, старухой ее называть было рано. Держалась она прямо, и веяло от нее энергией, хотя и не сказать, что доброй. «Медсестра, наверное», – вяло, автоматически заключила девушка и прикрыла глаза.

– Зовут-то тебя как? – снова спросила сестра.

Девушка нахмурилась и попыталась вспомнить, но голова снова отозвалась острой пульсирующей болью, как тогда в лесу. И, словно услышав ее мысли, сестра спросила:

– А в лес как попала, тоже не помнишь?

Она не помнила. Она ничего не помнила. Зато голова начала болеть все сильнее и сильнее, и девушка сморщилась и тихо заплакала от этой боли.

– Ну, ну. Не реви. Сейчас доктор тебя осмотрит, вcoleм успокоительное, и поспишь. А уж завтра разбираться будем, – тархтела над ней пожилая медсестра, и девушке отчего-то стало спокойнее.

Глаз она больше не открывала. Так было легче. Пришел врач, пьяный, его прогнали. Потом пришел фельдшер, велел отнести пациентку в бокс, там ее раздели, осмотрели, обратно одели во что-то больничное, вкололи укол, завернули в одеяло и, кажется, куда-то повезли, а может, и нет. Может, она прямо там уснула.

Она лежала и бездумно смотрела в белый потрескавшийся потолок. Ее слегка познабливало, тело ныло, но голова уже не болела. Ветхое байковое одеяло, дырявый застиранный пододеяльник и железная кровать безошибочно сообщили ей, что она в больнице. Причем в плохой больнице. Она почти сразу вспомнила, что ее нашли на трассе, что ее осматривал фельдшер и что при любых попытках что-нибудь вспомнить начинает сильно болеть голова. Поэтому она и не пыталась, а просто лежала и ждала, когда кто-нибудь придет и скажет ей, что же с ней случилось и можно ли ей встать, и, возможно, ее даже покормят. Есть хотелось.

Вскоре дверь у нее за головой зашкрипела, кто-то удовлетворенно хмыкнул, и негромкие шаркающие шаги возвестили о прибытии визитера.

– Добрый день, – суховато проговорил пожилой полный врач, вынимая из карманов руки и присаживаясь на стул возле девушки. – Ну, как вы себя чувствуете?

– Спасибо, кажется, ничего, – ответила та тихим, но уже вполне узнаваемым голосом.

– Отлично. Меня зовут Андрей Петрович, я занимаю пост заведующим нашей больницы, – официально, даже слегка помпезно представился он и горделиво приподнял подбородок. Как вас зовут, вы помните?

– Яна, – ответила девушка и с удивлением поняла, что она действительно Яна.

От этой новости ей сразу стало легче, даже слезы навернулись на глаза.

– А фамилия? – глядя на нее слегка прищуренными глазами, тем же деловитым тоном спросил заведующим Андрей Петрович.

– Сорокина, – так же легко, без всякого напряжения ответила Яна. – Яна Сорокина, – для большей уверенности и с искренним удовольствием повторила она.

– Прекрасно. А что вы еще помните?

Яна вспомнила все.

Глава 2

– Яна Викторовна, когда вам, наконец, привезут документы? Мне срочно нужны ваш паспорт и медицинский полис. Вы позвонили, наконец, родственникам? – нахмутив и без того строгие брови и засунув руки в карманы, требовательно вопрошала Яну Екатерина Андреевна – администратор больницы.

– Нет еще, – заливаясь краской и пряча глаза, призналась Яна. – Но я обязательно позвоню. Прямо сегодня. Честное слово. – Она воровато взглянула на администраторшу, но та, кажется, простым обещанием не удовлетворилась.

– Вот вам телефон. Звоните. Я подожду в коридоре, – твердо велела Екатерина Андреевна, протягивая Яне свой мобильник. – Или у вас какие-то проблемы? – пристально уставившись в Янины несчастные глаза, спросила грозная администраторша, не спеша выпустить телефон из рук. – Может, вам некому позвонить?

– Нет, нет. Все в порядке. Я прямо сейчас и позвоню, – краснея отчего-то еще больше, заверила ее девушка. Чего она так разволновалась из-за такого пустяка, Яна и сама не знала.

В принципе волноваться ей было не о чем. Стоит позвонить матери, и та примчится с документами, и возможно, даже завтра. В крайнем случае послезавтра. Конечно, персонал больницы вынужденно станет свидетелем спектакля под названием «убитая горем мать», или «мать, теряющая свое единственное дитя», или еще чего-то в этом роде, но документы она привезет. Но отчего-то от одной мысли о мамочкином визите Яну наизнанку выворачивало.

Нет. Что угодно, только не это. Девушка насупилась и отвернулась к стене. Можно, конечно, попросить соседку, Анну Ивановну, бабушкину давнюю подругу, но у той нет ключей, размышляла Яна, прекрасно понимая в душе, чего именно ей хочется.

А почему, собственно, нет? Яна оказалась в сложной ситуации, она попала в беду, она стала жертвой нападения, ей не к кому обратиться, а если и есть к кому, то это совершенно чужие люди.

И Яна стремительно, поддавшись неожиданно сильному эмоциональному импульсу, набрала номер телефона. Набрала по памяти, хотя никогда прежде по нему не звонила, но много раз, особенно когда ей было плохо, тоскливо, одиноко, она отчего-то набирала его и тут же нажимала на сброс. На что она надеялась, девушка и сама бы толком не объяснила. Наверное, ни на что. Оттого и сбрасывала набор. Но, видимо, глубоко в ее душе существовал тайный детский уголок, в котором все еще жила по-детски наивная, до смешного нереальная вера в чудо. В то, что вдруг появится он, сильный, заботливый, любящий ПАПА, и защитит свою девочку от бед и напастей. Дурь и глупость.

– Слушаю, – неожиданно раздался в трубке низкий незнакомый голос с легкой прокуренной хрипотцой, и двух секунд не прошло.

Яна от страха и неожиданности едва трубку не выронила, но каким-то чудом все же собралась и севшим от волнения голосом с трудом выговорила:

– Виктор Александрович?

– Да. Слушаю, – так же отстраненно, без всякого интереса ответил голос.

Яна откашлялась, отчего-то рассердилась и строгим, почти обвиняющим тоном произнесла, выпрямляясь на тощих больничных подушках:

– Меня зовут Яна Викторовна Сорокина, и я ваша дочь.

– Кто вы моя? – тем же безучастным тоном спросил «папуля», словно она сообщила ему не об их родственной связи, а о том, что является представителем страховой компании.

– Ваша дочь, – как можно тверже повторила Яна, уже всей душой раскаиваясь в собственном идиотском поступке. Но отступить было поздно. Если она сейчас бросит трубку, то уже никогда не сможет ему перезвонить, поговорить с ним, увидеть, наконец. Придется идти

до конца. – Мне двадцать восемь лет, я работаю, так что алименты мне от вас не нужны, – жестко и гордо заявила она, чтобы расставить разом все точки над «и».

– А что нужно? – весьма сухо осведомился Виктор Александрович, даже не пожелав уточнить, откуда она взялась, эта дочь, и как его нашла.

– Я попала в областную больницу с сотрясением мозга, у меня нет ни документов, ни денег. Нужно, чтобы кто-то заехал ко мне домой и привез мне их, – стараясь не давать волю чувствам, как можно суше проговорила Яна, борясь с приступом абсолютно неуместных и ничем не оправданных слез.

– И что, больше привезти некому? – то ли насмешливо, то ли презрительно спросил Виктор Александрович.

– Нет.

Последовала непродолжительная пауза.

– Как ты меня нашла? – уже другим, хотя и не менее отчужденным тоном спросил отец.

– Знакомые помогли, давно уже. – Господи, какая глупость! И зачем она позвонила? Унизительно-то как! Сейчас еще начнет спрашивать, кто ее мать, и будет совсем чудесно, если он ее не вспомнит и пошлет Яну куда подальше. Да и фиг бы с ним! Яна снова начала сердиться, и эта смена эмоций помогла ей в очередной раз не разреветься.

– Менты знакомые? – язвительно поинтересовался отец, и девушка не менее язвительно ответила:

– Нет. Хакеры.

– Зачем?

– Любопытно было, – отрывисто произнесла Яна и неожиданно для себя выпалила: – Короче, ты документы привезешь или мне к чужим людям обращаться?

«Вот дура! «К чужим людям»! А он мне кто? Родной?» – продолжала страдать девушка, когда отец, проигнорировав ее хамоватый выпад, спросил:

– Как зовут твою мать?

– Лера Сорокина. Артистка, в театре драмы играет, ты с ней между отсидками познакомился.

– Говори адрес квартиры и больницы. Привезу тебе документы, – вынес свой вердикт отец все тем же мало эмоциональным тоном.

Яна продиктовала.

– А ключи от квартиры? – спохватилась она, когда отец уже был готов отключиться.

– Не надо.

– Ну, здравствуй, Яна Викторовна Сорокина. – На пороге палаты замер невысокого роста коренастый мужчина с невыразительным лицом и блеклыми серыми глазами, с модной ныне трехдневной седоватой щетиной на скулах и подбородке.

Папа? Вот этот вот тип? Это о нем она мечтала в детстве? Слава богу, что не увидела.

Разочарованию Яны не было предела. С самого утра она жутко волновалась, то и дело причесывалась, поправляла вылинявший больничный халатик, перетаскала подушку на другую сторону кровати, чтобы было видно входящих в палату, и то и дело тянула голову к окну, не подъедет ли машина. И все равно пропустила его прибытие.

Мужчина тоже смотрел на Яну, и, судя по всему, и у него знакомство восторгов не вызвало.

Да чего и ожидать? Красотой и статью Яна никогда не выделялась. Тут она, вероятно, в папочку пошла. Средний рост, серые глаза, пухлые щеки, плотная, лишенная изящества фигура. Словом, не Брижит Бардо.

Единственным украшением Яны были густые каштановые волосы. Но их она предпочитала убирать в пучок.

Сообразив, что молча таращится на гостя, Яна спохватилась и, приподнявшись на подушках, поздоровалась.

– Здравствуйте, проходите. Вот тут стул свободный, – зачем-то предложила она, хотя вряд ли отец собирался засиживаться. Отдаст, наверное, сейчас документы, и адье. Может, так и лучше, чем сидеть и не знать, о чем разговаривать.

Но Виктор Александрович, видимо, решил по-другому. Он вошел в палату, за ним вошел еще один мужчина, этот был с большим пакетом.

– На тумбочку поставь, – коротко распорядился отец и уселся на стул. – И в машине пока подожди.

Мужчина поставил пакет и, молча кивнув, удалился.

Водитель, наверное, или охранник, решила Яна. Она знала, что у отца есть своя фирма, что он теперь занимается легальным бизнесом и считается весьма состоятельным человеком. Но у нее никогда не возникало желания разыскать его и попросить денег.

– Значит, ты Лерина дочка, – вот именно, не «моя», а «Лерина», устраиваясь поудобнее и не обращая внимания на Янины соседок по палате, проговорил отец.

– Да.

– Она писала мне, что беременна, а потом написала, что ты родилась, а после уже о том, что замуж собирается, – зачем-то объяснил отец.

Может, ему не совсем наплевать?

– Она всегда туда собирается, – ответила вслух Яна, несколько грубовато и зло, просто потому, что от растерянности не придумала ничего лучше.

– Поэтому ты ей не позвонила? – чуть сощурив глаза, спросил отец.

– Ну да, – неловко замявшись, согласилась девушка.

– Ну что ж. Вот твои документы, в пакете фрукты, йогурты. – Он уже освоился и теперь сидел, откинувшись на спинку стула, заложив ногу на ногу, и рассматривал уже не Яну, а больничную палату. – Я к заведомлению заходил, говорят, тебя на обочине дороги подобрали?

– Ну да, – удивленно глядя на отца, кивнула девушка. Чем больше она его рассматривала, тем интереснее он ей казался. Невыразительным он теперь не выглядел, и глаза его были вовсе не блеклые, а скорее наоборот, весьма яркие, только он их словно притушить старался, прятал за ресницами.

– И как ты там оказалась без денег, без документов?

– Понимаете, я на дороге голосовала, там проселок, машин мало. Остановилась какая-то «девятка» старая, у нее стекла темные были, я сперва и не разглядела, кто там сидит, смогла это сделать, только когда уже села, – рассказывала Яна в сотый раз, поражаясь собственной глупости. – Оказалось, в ней подвыпившие парни ехали. Они метров сто проехали и свернули в лес. Там хотели сперва меня ограбить, а потом изнасиловать. Но я стала отбиваться, они меня несколько раз ударили, а потом я споткнулась и в овраг какой-то полетела. Наверное, головой ударилась. Потому что, когда в себя пришла, их там уже не было и голова жутко болела. Пришлось обратно на дорогу выбираться.

– Сумка, как я понимаю, у тебя пропала? – глядя на Яну, словно следователь на преступницу, спросил отец.

– Ну да. Хорошо хоть паспорта с собой не было. Только мобильник и деньги.

– Ясно. Менты-то к тебе приходили? – взявшись рукой за щетинистый подбородок, задумчиво спросил отец.

– Да. Только что толку. Я тогда вообще плохо соображала, да и где теперь этих парней искать? – безнадежно махнула рукой девушка.

– Ладно. С сопляками этими я сам разберусь. А ты выздоравливай. Если что надо, звони. Когда выписывать будут, я тебя встречу или машину пришлю, – поднимаясь, подвел черту он.

Яна молча кивнула. Отец легко поднялся со стула и вышел, аккуратно прикрыв за собой дверь. Ей вдруг стало до слез обидно. Он ничего о ней не спросил. Вообще ничего. Как живет, где работает, есть ли у нее муж, дети? Впрочем, если он был у нее дома, и так ясно, что нет. Но все равно, почему он ни о чем ее не спросил? Вообще ни о чем! Как она жила все эти годы, да что годы? Всю жизнь без него жила. Не спросил, какая она, что любит, как живет. Вообще ничего!

Яна отвернулась к стене и тихо заплакала. Старухи, соседки по палате, тихо кряхтели на своих койках и на нее внимания не обращали.

Глава 3

– Садись в машину, – сухо велел отец, даже не удосужившись выйти ей навстречу.

Сегодня Яну наконец выписали из больницы. Стоя на маленьком больничном дворе, она с удовольствием вдыхала невероятно свежий, дурманивший до головокружения воздух, зябко ежилась на сыром октябрьском ветру и радостно впитывала в себя краски свежей, полетному зеленой травы, желтых берез и серого пасмурного неба, которые из-за немытых стекол больничного окна казались смазанными и неяркими. Влезать в машину ей не хотелось, хотелось еще минутку-другую постоять на воздухе. Но голос отца звучал холодно и требовательно, и Яна тут же послушалась.

В конце концов, он сделал ей одолжение, решив встретить из больницы. Мог бы и не утруждаться, а послать водителя. Ей все равно.

– Как ты себя чувствуешь? – Вопрос прозвучал вежливо, равнодушно, а сам Виктор Александрович даже не повернулся к дочери.

– Спасибо. Хорошо, – так же ровно, не выдавая эмоций, ответила Яна.

Отец мельком, украдкой взглянул на нее.

– Я нашел тех парней, что напали на тебя, – проговорил он тем же ровным голосом.

– Правда? – Восторгу и удивлению девушки не было предела.

Да, конечно, он обещал их найти и разобраться с ними, но она ни на минуту не поверила в серьезность этого обещания. И вот теперь! Ради нее, ради Яны отец отыскал их, он потратил время, он волновался за нее. Он появился в ее жизни, пусть не очень ласковый, не такой внимательный, как она мечтала, зато он по-настоящему защитил ее, наказал ее обидчиков! Он любит ее. Яна почувствовала, как на глаза ее наворачиваются слезы, но все равно повернулась к нему, уже не пряча эмоций, радости, любви, благодарности... И наткнулась на спокойный, абсолютно равнодушный взгляд.

– Ты так и не сказала мне, почему оказалась на том проселке? – задал отец странный, не относящийся к делу вопрос.

– Я же говорила, я голосовала на дороге, когда те парни...

– Это я уже слышал. Что ты там делала? Ты наркоманка? Ездила за дозой? – неприятные, потемневшие, холодные глаза отца сверлили ее, словно обвиняя и требуя признания.

– Я что? – задохнулась от возмущения Яна и сразу же почувствовала, что пальто уже маловато в груди и, наверное, пора покупать новое, ее опять расперло. Даже больничная диета не помогла.

– На чем ты сидишь? – уточнил свой вопрос отец, никак не отреагировав на ее возмущение.

– На зарплате! – резко ответила девушка. Она тоже умела быть жесткой, резкой и даже жестокой. Она ценила в людях силу, уверенность, твердость и принципиальность. Собственно, она ценила в людях все те качества, которых так не хватало ее безалаберной, пустоголовой, легкомысленной матери. И всячески их в себе возвращала всю свою сознательную жизнь. – Я не употребляю наркотики, впрочем, как и прочие допинги. Я не пью, не курю, не колюсь. Никогда этого не делала и впредь не собираюсь.

– Гм. Так что ты делала на том проселке? – проигнорировал ее пылкую тираду отец, так что для Яны осталось неясным, поверил он ей или нет.

Но его вопрос заставил ее задуматься. Сперва в больнице у нее очень болела голова, потом мысли были заняты отцом, и вполне здравый вопрос о том, что она делала на том проселке, так ни разу и не всплыл. Но ведь какой-то ответ должен быть. Причем простой и очевидный.

Она ездила в гости? Нет. Вряд ли. Вернее, точно нет. Никто из ее знакомых не жил за городом. Может, ездила к кому-то на дачу? Никаких воспоминаний ни о чьих дачах не всплыло. Зато появилась боль. Сперва тупая, потом все более острая, которая разлилась по ее голове, словно густая сметана. Яна подняла руки и потеряла виски, болезненно сморщившись, но стало только хуже.

– Я не помню. – Она оставила свои попытки и сейчас мечтала только о том, чтобы голова прошла.

– Ясно, – внимательно глядя на нее, кивнул отец. – Эти сопляки сказали, что у тебя не было с собой сумки и что ты была явно под кайфом, – поведал он подробности своей беседы с Яниными обидчиками.

– А тебе не пришло в голову, что они попросту врут? – зло спросила девушка, оскорбленная его подозрениями и измученная неожиданным приступом мигрени.

– Нет. Они не врут. А вот ты до сих пор не знаешь, как там оказалась. Советую вспомнить, – проговорил отец, после этого отвернулся к окну, и больше они до самого города не обменялись ни словом.

Отец решал рабочие вопросы по телефону, Яна молча смотрела в окно, борясь с тошнотой.

– Виктор Александрович, вон они, – кивнул на троих парней, тянувших пиво возле сельского «Маркета», крупный мужчина средних лет с густой шевелюрой и большими крепкими ладонями, сидящий на переднем сиденье.

Парни были молодые, слегка неряшливые, одетые в кожаные куртки и джинсы практически одинаковых фасонов. Они курили, пили, демонстративно сплевывали на асфальт и громко ржали, так что слышно было даже в машине. В общем, всячески демонстрировали свою крутизну и статус лихих парней. Рядом с ними стояла старенькая зеленая «девятка» с затонированными стеклами и распахнутыми дверями.

– Вон тот, постарше, рыжеватый, Песков Андрей Васильевич, «девятка» принадлежит ему. Работает на трассе в автосервисе у своего дяди. Чернявый, тот, что повыше, Беляев Сергей Сергеевич, работает в том же автосервисе, а третий, Илья Семенов, работает в карьере, щебенку возит. Двоим по двадцать, Пескову двадцать один, все трое в этом году из армии вернулись. Ничего серьезного за ними нет, но напиться, подраться, травку покурить – это всегда пожалуйста. Позвать их сюда?

– Нет. Я сам подойду, – внимательно осмотрев парней, решил Виктор Александрович.

– Может, лучше я? Могу Саню с собой взять, – предложил помощник, с сомнением глядя на троицу.

– Не надо, – коротко усмехнулся Виктор Александрович. – Лучше подъедь поближе, – распорядился он, захлопывая дверцу черной «Тианы». Машина была новая, солидная и служила весомой рекомендацией владельцу.

Виктору Александровичу Курышеву было уже пятьдесят пять лет, значительную часть которых он провел в местах заключения. Но вот уже лет пятнадцать как он завязал с криминальным прошлым и превратился в респектабельного, уважаемого члена общества. В состоятельного бизнесмена, владельца собственной компании. И хотя в олигархии он не вышел, но капитал имел солидный, в городе пользовался известностью и уважением и даже был вхож в Смольный.

Криминальное прошлое, которое во времена застоя лишало его всяческих надежд на социальный успех, во времена перестройки вдруг сыграло на руку, придав необходимый вес и влияние в определенных кругах. А навыки ведения дел, полученные в годы криминальной молодости, пригодились в налаживании и устройстве бизнеса.

Лет десять назад Виктор Александрович женился на молодой, недалекой, но смазливой девице. Не по любви, а потому что так положено, солидно, принято. Девушке хотелось достатка и стабильности, ему... возможно, ему хотелось тепла и уюта, настоящего дома. Спустя год девушка родила ему сына. Жили они хорошо, спокойно, без скандалов. Он их обеспечивал, заботился, как умел, они были ему благодарны, но доверительности или теплоты в отношениях не было. Сын был еще мал, и Виктор Александрович просто не понимал, как с ним общаться. Спрашивал о школе, уроках, успехах в спорте, но дружбы у них с сыном не возникло. Жена всегда была послушна, внимательна, но и с ней он держался так же отстраненно. Она не работала, занималась сыном, иногда советовалась с ним, как лучше поступить, но с откровенностями не лезла, так что, по сути, они так и остались чужими людьми. Курышева это устраивало. Он плохо помнил своего отца, тот рано умер, спился, а мать все время работала, так что его воспитывали двор и школа, и, надо сказать, неплохо воспитали, он собой был доволен. Так что в построении своей семейной жизни ему ориентироваться было не на кого.

Когда Виктору Александровичу позвонила старшая дочь, он сперва насторожился. Заподозрил какую-то подставу, даже занервничал, хотя вида и не подал. Потом взял себя в руки, успокоился, навел справки.

О том, что у него есть дочь, он знал, хотя желания разыскать ее, познакомиться никогда не испытывал. А тут этот звонок.

Леру Сорокину, молоденькую артисточку из драматического театра, он помнил хорошо. Можно сказать, долго не мог забыть. Веселая, разбитная, бесшабашная, красивая Лерка очень ему понравилась. Если бы он тогда не сел в очередной раз, возможно, их роман бы и затянулся, возможно, он даже женился бы на ней. Во всяком случае, какое-то время, пока Лера не сообщила ему, что выходит замуж, он всерьез раздумывал об этом, особенно когда узнал, что у Леры будет ребенок. Потом, конечно, все забылось, рассосалось, прошли годы, он повзрослел, Лера, наверное, тоже, он никогда не пытался разыскать ее или навести о ней справки, даже когда остепенился и разбогател.

И вдруг звонок дочери. Виктору Александровичу вдруг стало интересно. А вдруг она похожа на Леру? Такая же красавица. К тому же она уже совсем взрослая, возможно, даже замужем. Хотя нет. Если бы была замужем, не стала бы просить его о помощи. Но, может, у нее есть дети, его внуки. Курышев прислушался к себе, но его душа ничем не отзывалась. Нет. Ему неинтересны были внуки, ему интересна была память о Лере.

И он поехал. Сперва заехал к дочери в квартиру, скромную однушку, обставленную старенькой немодной мебелью, потом в больницу. Дверь квартиры он открыл без труда, замок примитивный, а опыт у Виктора Александровича был большой, ему даже показалось забавным потряхнуть стариной. Документы он нашел быстро, в квартире дочери царил безупречный порядок. Все лежало именно там, где она сказала. А потом он поехал в больницу, по пути даже в супермаркет сообразил заскочить, купить деликатесов, колбаски, йогуртов, фруктов.

Яна его разочаровала. От Леры в ней не было ничего. Перед ним лежала на железной больничной койке взрослая незнакомая женщина, полноватая, строгая, совершенно чужая, и смотрела на него критическим изучающим взглядом.

Потом, когда они разговаривали, он понял, что Яна похожа на него. И взгляд этот понижающий, оценивающий, критичный, и плотная тяжеловесная фигура, как у его покойной матери, и прямой, ровный, широковатый нос. Вся она пошла в него. Постепенно разочарование прошло, и он смог преодолеть первоначальную неприязнь, почти детскую обиду на дочь за то, что она вышла совсем не такая, как он себе напридумывал. Наверное, из-за этой обиды, точнее, из-за собственной несправедливости – в конце концов, Яна была совершенно не виновата, что уродилась такой, – он пообещал уладить ее неприятности, а вовсе не из родственных чувств.

А раз пообещал, обещание надо выполнять.

Виктор Александрович вылез из машины и, запахнув дорогое кашемировое пальто, двинулся к развеселой компании.

– Здорово, мужики, – не вынимая рук из карманов, кивнул он в ответ на удивленные взгляды. – Разговор есть.

Парни с интересом окинули взглядом Виктора Александровича, потом машину, затем, слегка присмирив, поздоровались, с интересом ожидая продолжения.

– Говорят, вы на днях девицу на обочине подобрали, – ленивым бесцветным голосом спросил Курышев, глядя на парней цепким жестким взглядом.

– Какая еще девица? – засовывая руки в карманы куртки и набычиваясь, спросил владелец «девятки». – Мы если и подбираем кого на обочине, так только своих.

– А эта была как раз чужая, – вкрадчиво произнес Курышев. – Вы ее сперва подобрали, а потом в лесу бросили. Думали, что уже мертвая? – Виктор Александрович старался избегать без крайней надобности жестких, тем более нецензурных формулировок, не бросаться бездумно угрозами и не употреблять блатной жаргон, поскольку все это было дешево, несолидно и только выдавало дворовое происхождение и понижало его реальный статус. Не добавляло ни весу, ни солидности. Но, как правило, даже его вежливая, подчеркнуто сдержанная речь достигала цели. Собеседники улавливали нутром исходящую от него скрытую угрозу. Конечно, речь шла о людях умных.

Как показало развитие событий, в данном конкретном случае его собеседниками оказались люди недалекие.

– Слышь... а кто ты вообще такой? – грубовато спросил его нагловатый рыжий Песков, главарь этой «шайки благородных разбойников», щедро пересыпая свою речь нецензурной бранью. – Тебе что от нас надо, ...? Думаешь, прикатил на крутой ... тачиле, и все тут типа прогибаться перед тобой будут? ... Тебе ... сказали, не подбирали никого? Ну и вали отсюда, ..., пока не навалили по самые...

И так далее и тому подобное. Рядом с Песковым плечом к плечу встали его соратники, вызывая сплевывая чуть ли не на ботинки Виктора Александровича.

– Слышь, а может, тебе навалить, а?.. И тебя подрихтуем, и тачку твою, – туповато лыбясь, предложил его чернявый приятель, тот, что был повыше.

То, что произошло дальше, было сплошным ребячеством, и в городе Виктор Александрович ни за что себе такое бы не позволил. Но сельский воздух, какое-то особое пьянящее чувство простора и древней удалы, которые буквально струились по деревенской улице то ли с полей, то ли еще откуда, буквально толкнули его на несерьезное, прямо скажем, неподобающее поведение.

Он неожиданно врезал коротким, точным ударом Пескову под дых, тот согнулся, Виктор Александрович схватил его за загривок и прижал лицом к грязному пыльному капоту «девятки». Всего и делов-то, пара секунд времени. Но водитель с помощником были уже тут как тут, грозной стеной стояли за спиной Курышева.

Виктор Александрович ткнул Пескова еще разок носом в капот и отпустил.

– Ну, так что с девицей? – спросил он у троицы как ни в чем не бывало, ровным, спокойным голосом.

– А что с девицей? – пробубнил чернявый, тот, что был пониже. – Не трогали мы ее, она сама о пень башкой треснулась.

– Та-ак. Сама, говоришь, – убрав руки за спину и слегка раскачиваясь на носках дорогих итальянских ботинок, уточнил Виктор Александрович.

– Да вот клянусь, сама! – страстно заверил его парнишка. – Мы вообще ее не трогали, просто пошутить хотели.

– Пошутили?

Лица всех троих выражали искреннее пламенное раскаяние, крепко замешенное на страхе.

– Сумку ее куда дели?

– Не было у нее никакой сумки! – поспешили сообщить ему сразу все трое. – Точно не было. Да она вообще странная была, обдолбанная, наверное. Точно под кайфом! Да она почти не соображала, когда сажали, думали, пьяная.

– Где сажали, место показать можете? – Известие о том, что его дочь, точнее, Лерина дочь, – обычная наркоманка, неприятно резануло Виктора Александровича, а он-то посчитал ее порядочной девицей.

– Да. А зачем вам? Да мы правда ничего не делали. Да зачем нам неприятности?

Виктор Александрович зачем-то осмотрел место, где парни подобрали Яну, затем – где они бросили ее возле оврага. Парни ему не врали. В этом он был уверен.

Глава 4

Яна входила в родной офис с определенным трепетом. В ее собственной жизни за последние три недели произошло столько перемен, столько новых впечатлений она испытала, что ей отчего-то казалось, что и вся жизнь вокруг должна была перемениться.

Ничего подобного.

– Здравствуйте, Яна Викторовна. Ой, Ян, привет. С возвращением, Яна Викторовна. Яна Викторовна, завтра в десять совещание по поставщикам. Добрый день. Договора за последний месяц. Яна Викторовна, с сертификатами проблема, звонили с Камчатки, там партия краба зависла.

Ничего не изменилось. Яна кивала, собирая папки, и наконец добралась до своего кабинета в конце рабочего зала, разделенного по западной моде на рабочие закутки. Она толкнула задом дверь кабинета, свалила документацию на стол и, стянув с себя шарф, пристроив на вешалку за дверью пальто, плюхнулась в рабочее кресло.

– С прибытием вас, Яна Викторовна, – поздравила она саму себя.

И рабочий день потек. Потянулся, понесся, набирая обороты. Про обед Яна вспомнила только ближе к вечеру, идти куда-то в поисках пищи было поздно, и она после недолгого колебания решила совместить приятное с приятным. Перекусить, а заодно поболтать, наконец, с подругой, узнать последние сплетни, просто поговорить с живым человеком.

За последние три недели вынужденной изоляции Яна порядком одичала. И хотя лежала она в больнице в общей палате, но соседками ее были древние старушечки, поговорить с которыми можно было разве что о запорах и поносах, да еще о видах на урожай. Из подруг, которых у Яны было не густо, никто ее навестить не решился, уж больно далеко было тащиться, к тому же с пересадками. Да она и не просила, вначале было не до подруг, а потом все ее мысли занимал отец.

– Катя, привет, это я, – набрав короткий внутренний номер, проговорила в трубку Яна. – Сильно занята? Нет? Может, зайдешь, чайку попьем? – предложила она бодрым голосом.

– Гм, раз начальство вызывает, кто ж откажется, – в тон ей весело ответила Катя. – Сейчас иду. Печенье захватить?

– Да, только прикрой чем-нибудь. Хоть папкой, – посоветовала Яна.

«Начальство», – повторила она с удовольствием, вертясь в кресле. Незадолго до истории с больницей ее действительно назначили начальником отдела вместо Игоря Николаевича, которого перекинули на повышение в Москву. Яна даже насладиться еще толком не успела ни кабинетом, ни новым статусом.

Коротко стукнув в дверь, на пороге появилась Катя с коробкой датского печенья, кое-как прикрытого папкой.

– Вот, – гордо сообщила она, бухая коробку на стол.

– А бутербродов у тебя нет? – спросила с надеждой Яна, кисло поглядывая на коробку.

– Нет. Но тут есть пряники, сушки и даже несколько круассанов, – открывая крышку, пояснила Катя.

Она была не то чтобы Яниной подругой, скорее приятельницей по работе. Но из всех коллег с ней Яна общалась больше всего.

– Ну, что тут у вас новенького происходит? – дожевывая третий пряник, спросила Яна. Первая часть разговора была посвящена ее приключению на периферии.

– Ой, да что у нас нового? Тоска одна. Полинка Серебрякова в рыжий цвет перекрасилась, не видела еще? Жуть. Физиономия сразу стала какой-то красной, словно только с мороза вернулась. Да! А у Соньки Токаревой роман с Виталием Семеновичем из транспортного! Помнишь? Лысый такой, он до этого с Анькой из финансового крутил. Кстати, – болтая беззаботно

ногой, стрекотала оживленно Катя, – ты на похороны пойдешь или тебя, как низшее звено, на работе оставляют?

– На какие еще похороны? – чуть не поперхнулась чаем Яна.

– Как на какие, Рогутского, конечно. Послезавтра хоронят. Забыла, что ли?

– Рогутский умер?

– Ой, а ты что, не знала? – переставая покачивать ногой, удивилась Катя.

Рогутский Виталий Валерьевич был непосредственным Яниным начальником и занимал должность исполнительного директора петербургского филиала компании. Был он еще молод, успешен и производил впечатление вполне здорового человека.

– А что с ним случилось? Сердце? – подпустив в голос приличествующей случаю печали, спросила Яна.

– Какое сердце? Ты что, телевизор не смотришь? – вытаращилась на нее Катя.

– Кать, я же тебе объясняла, у меня было тяжелое сотрясение, то есть ни телика, ни газет, ни книг, ни Интернета. Белый потолок над головой и стоны сумасшедших старух на соседних койках. Я чуть с ума не сошла в этой больнице! – укоризненно проговорила Яна, которую неожиданно задело невнимание Кати к ее выдающимся страданиям. – Телевизор! – фыркнула она напоследок.

– Ой, извини. Это я увлеклась, – тут же смутилась подруга. – В общем, он в машине сгорел. Хоронить в закрытом гробу будут.

– Жуть какая! Замыкание, что ли? – наивно поинтересовалась Яна, никогда не имевшая личного авто и даже знакомых, имевших таковое.

– Яна, он в аварию попал, – глядя на нее, как на умственно отсталую, пояснила Катя. – Страшная авария, машина несколько раз перевернулась и загорелась. Даже по телику показывали, как его тушили. Говорят, с управлением не справился. Мы даже не сразу поняли, что это Рогутский, но Мишка Егоров на следующий день на работу примчался, видал, говорит, как Рогутский горел? Он, оказывается, в новостях номер машины рассмотрел и марку. Тут уж мы все по Интернету выпуск вчерашних новостей набрали, и точно, его машина, ну а потом уж официально всех известили, фотку траурную с букетом в приемной выставили. Вот так!

– Ничего себе, – покачала головой Яна. – Жалко мужика, молодой такой, и семья осталась.

– Ну, его семья с голоду не помрет, – равнодушно заметила Катя. – Он на дочке влиятельных родителей женился, выживут.

– Кать, ну как ты можешь! – искренне возмутилась Яна. – При чем тут деньги? У детей отец погиб, понимаешь? У тебя небось и папа, и мама живы, – с укоризной добавила она.

– Может, и живы, а может, и нет, – пожала плечами Катя, не проявляя признаков раскаяния. – Папаша как развелся с матерью, так и исчез в голубой дали, чтобы алименты не платить. До сих пор найти не можем. И ничего, как видишь, живем! – наигранно беспечно, как показало Яне, ответила подруга. – А Рогутская с детишками только сегодня с Бали возвращается, потому и не хоронили так долго, ждали, когда вдовушка отдых закончит.

– А что, он давно погиб?

– Да уж сегодня четвертый день, наверное.

Да-а. А Яна-то считала, что ей не повезло. Да на фоне Рогутского она просто в шоколаде!

На похороны Яну никто, естественно, не приглашал, и на следующий день она, как обычно, сидела в своем кабинете и трудилась в поте лица.

Их компания занималась добычей, переработкой и крупными поставками рыбы. Нашей, отечественной, за рубеж, а зарубежной на российские прилавки. У компании имелся собственный флот, заводы по переработке, рыбоводческие комбинаты и прочие сопутствующие организации. Компания имела несколько филиалов в крупных городах нашей необъятной родины,

в том числе в Северной столице, и за рубежом и являлась лишь составной частью крупного холдинга, принадлежавшего известному на всю страну бизнесмену, меценату и, вероятно, в скором будущем сенатору Николаю Николаевичу Хохлову. Этого большого человека никто из сотрудников Яниного отдела никогда живьем не видел, слишком мелкими винтиками они были. Но зато, смотря по телику его интервью или слыша сообщения о его деяниях в программе новостей, все они испытывали чувство некой причастности к происходящему и на следующий день спрашивали друг у друга с многозначительным видом: «Нашего вчера видела? Про нашего слышала?» И в этих словах звучало какое-то собственничество, словно они, эти люди, владели им в складчину, а он об этом даже и не подозревал. Но, в общем-то, так и было, и особенно сейчас, в преддверии начала его большой политической карьеры. Они были его электоратом, на них он рассчитывал, выдвигая свою кандидатуру, перед ними он заискивал, им хотел понравиться, от них в некотором роде зависела его дальнейшая судьба. Они это знали, и им льстила подобная зависимость.

Янин рабочий день то неся галопом, то еле тянулся и наконец подошел к финишу.

Девушка поставила на место последнюю папку, она всегда наводила порядок в кабинете, прежде чем отправиться домой. Педантизм и аккуратность относились к тем качествам, которые напрочь отсутствовали у ее безалаберной матери и, соответственно, были особо уважаемы Яной и всячески в себе культивируемы.

Мама. Да, это «милое» создание до сих пор не знает о том, что Яна лежала в больнице, о том, что на нее напали. Яны не было дома две недели! У нее не отвечал мобильник, и мамочка даже ухом не повела, а когда, наконец, дозвонилась до дочери, только попеняла капризным голосом, что та не отвечает на ее звонки, а у нее такая трагедия! Ей срочно нужны десять тысяч.

– Зачем тебе деньги? – сухо поинтересовалась Яна, заранее зная, что не даст.

– Я замуж выхожу! – глупо хихикая, сообщила Лера. – А у Владюшки приличного костюма нет, к тому же у него скоро день рождения, надо подарок купить, все-таки круглая дата, тридцать лет! – Тут Яна очень кстати вспомнила, что, когда ей исполнилось тридцать, мать даже устно ее не поздравила. Забыла.

– Ой, Яночка, ну что ты говоришь? Я поздравила! Ты разве не помнишь? – не стушевалась мамуля. – Я даже заехать к тебе хотела, но ты почему-то запретила, – плаксивым голосом укорила она дочь.

– Угу. Поздравила через два месяца. И даже заехать хотела, за деньгами, – подтвердила Яна. – Ничего не дам, пускай твой мальчик сам себе на костюм зарабатывает, – жестко отрезала она и отключила трубку, не обращая внимания на Лерин скулеж.

К матери она всегда обращалась по имени, лет, наверное, с четырех. Лере казалось, что так она выглядит моложе, и всегда старалась выдать Яну за младшую сестру. От разговоров с матерью настроение девушки неизменно портилось. Вот и сейчас, вместо того чтобы выключить в кабинете свет и отправиться домой, она уселась обратно за стол и просидела так, наверное, с полчаса, угрюмо глядя в стену и бездумно грызя «М&М», дежурный пакетик которого всегда имелся у нее в ящике стола, для борьбы со стрессом и депрессией. Так она сидела, пока в общем зале не погасили верхний свет, и только потом заставила себя надеть пальто и двинуться на выход.

Выйдя из метро у себя на Ленинском проспекте, она зашла в «Пятерочку», купила своей любимой «Краковской» колбасы, свежий батон, свеклы, капусты, банку праной фасоли в томате и отправилась домой варить борщ с фасолью, потому что суп полезен, и лопать колбасу с чаем, потому что вкусно.

Сразу за «Пятерочкой» возле мусорного контейнера к ней привязалась рыжая худая дворняга с жалостной мордой и наглыми глазами. И пока Яна петляла в лабиринте хрущевских пятиэтажек, пробираясь к своему пятому корпусу, собака так и вертелась возле Яны, то тыкаясь ей в колени, то отбегая в сторонку.

– Не буду я тебя колбасой кормить. Ясно? – урезонивала ее то и дело девушка, но собака к увещаниям была глуха и продолжала вымогательство.

На улице уже стемнело, но во дворах было оживленно, гуляли на площадках дети, торопились домой трудящиеся, парковались на узких дорожках машины.

– Просто Невский проспект, а не родное захолустье, – ворчала себе под нос Яна, протискиваясь между припаркованным здоровенным «Лендровером», проезжающей мимо «Шкодой» и идущим навстречу парнем. Собака, решив, что ее час пробил, вынырнув из-за «Лендровера», подскочила сзади к Яне и вцепилась в пакет с колбасой зубами. Идущий навстречу парень выкинул из-за спины руку и, коротко сверкнув серебристой искрой, метнулся к Яне, втыкая в ее пальто, в пиджак, в блузку, в кожу острый страшный стальной нож. Девушка видела и ощущала все это, словно в замедленной съемке. Собака, крепко вцепившаяся в добычу, резко рванула пакет, Яна дернулась куда-то вбок и назад, парень выдернул нож и прибавил шаг. Яна завалилась туда, куда ее дергала собака, и рухнула на асфальт. В голове пульсировала страшная мысль: «Убили?»

– Та-ак. Теперь, значит, ножевое ранение? – приподняв бровь, спросил отец.

Он сидел в палате, на этот раз отдельной, в приличной городской больнице, и, небрежно закинув ногу на ногу, рассматривал Яну. Назвать эту взрослую женщину дочерью у него не получалось даже наедине с собой.

– Да нет. Это просто царапина, – поспешила успокоить его девушка. – Только пальто жалко, хотя я все равно новое собиралась покупать. Так что, можно сказать, отделалась легким испугом. Правда, дворняга колбасу съела, ну да бог с ней. Пусть лопает на здоровье.

Яна чувствовала себя беспокойно. Она то сурово сводила брови, то нервно передергивала плечами, то улыбалась с наигранной веселостью и повыше натягивала одеяло.

«Он снова здесь. Приехал меня навестить. Опять привез фрукты, даже клубнику в коробочке, а она сейчас ого-го сколько стоит», – нервно размышляла Яна, продолжая рассказывать отцу о своих неурядицах. А вдруг он подумает, что она теперь специально всякие глупости придумывает, в несчастные случаи попадает, чтобы его вовлечь в свою жизнь? Ведь она опять позвонила ему, а не матери, потому что у нее снова не было с собой ни полиса, ни паспорта. Пора уже начать таскать их в сумке.

Виктор Александрович слушал дочь и думал о том, что на этот раз – в приличном халате, в чистой отдельной палате, причесанная и даже, кажется, слегка подкрашенная – Яна понравилась ему больше, чем при их первой встрече. Она по-прежнему не выглядела красавицей, но глаза у нее были умненькие, руки ухоженные, речь уверенная, манера держаться выдавала личность волевою, решительную. Даже несмотря на легкое волнение.

Последнее ему неожиданно польстило. Он без труда понял, что именно его визит привел Яну в некоторое замешательство.

Виктор Александрович не был сентиментален. Но сегодня то ли погода повлияла, то ли возраст давал себя знать, ему вдруг полезли в голову странные, непривычные мысли.

Неужели он ей не безразличен? Никогда она его не видела, подарков он ей не делал, на день рождения не приезжал, не звонил даже. Да что там говорить, он о ней и не помнил. Что-то непривычное, теплое, какое-то пробирающее до печенок неведомое чувство заворочалось в душе Виктора Александровича. Он заерзал на стуле, принялся поправлять халат и откашливаться и чем больше суетился, тем больше сердился на самого себя. Что еще за ребячество такое? Телевизор вроде не смотрит, книжками не увлекается, откуда эта сентиментальная пижонская дурь?

Пришлось даже выматериться. Про себя, конечно. Грязно, грубо. Последнее помогло. Виктор Александрович успокоился и, снова развалившись на стуле, произнес:

– Пустяки, говоришь? – Потом вернулся к тому, на чем его прихватило: – А скажи-ка ты мне, как часто ты раньше в больницу попадала с несчастными случаями, начиная с раннего детства?

Ну, вот. Так и есть. Яна горько скривилась.

– Ни разу. Я была ребенком неспортивным, по крышам не лазила, предпочитала в библиотеке сидеть. – В голосе ее явно слышались независимость и вызов.

– На улице не спотыкалась, в люки открытые не падала, снег с крыши тебе на голову не сваливался, – язвительно, с подколом уточнил отец.

– Нет, – сухо ответила Яна. Оправдываться перед ним она не собиралась.

– Так с чего же ты взяла, что ножевое ранение было пустяком? На твоих подруг часто бросаются незнакомцы с ножом на улице? – обычным маловыразительным тоном поинтересовался он и после короткой паузы спросил без всякой связи: – Кстати, ты вспомнила, что делала на том проселке?

Она не вспомнила. И если честно, не очень старалась. Почему? Она и сама не знала. Просто не думала об этом, и все.

Отец молча ждал ответа. Наконец Яна не выдержала и взглянула ему в глаза.

– Между этими двумя происшествиями должна быть связь. И тебе будет лучше, если ты, наконец, поймешь это и вспомнишь, как оказалась на проселке и кому ты помешала настолько, что тебя дважды пытались прикончить, – твердо посоветовал отец, поймав ее взгляд.

От таких заключений у Яны все внутри забурило. Она кому-то помешала! За ней охотятся! Она что, криминальный авторитет? Нет, все же образ жизни накладывает на человека неизгладимый отпечаток, формирует его сознание, которое потом штампует оценки людей и событий по заложенной программе.

Яна со снисходительной улыбкой взглянула на отца и мягко проговорила, стараясь его не обидеть:

– Ну кому я могу помешать? Рядовой сотрудник фирмы, торгующей рыбой? Кому я нужна, чтобы за мной охотиться? А насчет проселка я обязательно подумаю, мне и самой интересно, как я туда попала.

– Подумай, – не обращая внимания на ее неуместное веселье, произнес отец. После чего попрощался и отбыл.

Дура. Зачем она стала над ним насмехаться? В конце концов, мы те, кто мы есть, и глупо упрекать человека, если жизнь его научила подозревать всех и каждого и в любом происшествии искать следы преступления. Звонить отцу и извиняться она, конечно, не стала.

Глава 5

– Я завтра уезжаю по делам, меня не будет недели три, возможно, чуть больше. За тобой присмотрит мой зам, – сидя на Яниной кухне прямо в пальто и ботинках – даже раздеться не соизволил! – говорил отец.

Вчера он привез Яну домой из больницы. Дома ее, как это ни удивительно, ждал забитый продуктами холодильник.

– Из дома не выходи. Если надо в аптеку, давай рецепт, мой водитель прямо сейчас сгоняет, – распоряжался отец, заводя ее в квартиру. – Продукты тебе купили. Дверь никому не открывай. Завтра у тебя установят сигнализацию и тревожную кнопку.

Яна даже не возражала, только смотрела на отца во все глаза.

– Деньги у тебя есть? Ну, вот и ладно. На работу тебе когда?

– Через неделю. Мне еще четыре дня в поликлинику на перевязки ходить, – автоматически ответила девушка, понимая, что становится участником какой-то комедии абсурда. Нет, все это, конечно, мило и даже забавно. Забота такая, страх за нее. Но все же не выходить из дома? Тревожная кнопка? Это, пожалуй, перебор.

– Никаких перевязок, – категорически возразил отец. – Завтра Кирилл, мой водитель, привезет медсестру, кроме него, никому не открывай.

Кирилл Яну пугал, потому что выглядел как закоренелый урка. Лысый, угрюмый, с впалыми щеками, шишковатым черепом и жилистыми большущими руками. Такими, наверное, душить хорошо. Впрочем, у отца, наверное, все дружки и сотрудники такие же. С другой стороны, ее, как дочь шефа, они, наверное, обижать не будут. Наверное, наверное, сплошное наверное.

Это было вчера, а сегодня отец приехал с медсестрой сам. Сигнализацию установили еще утром. Медсестра закончила перевязку и ждала теперь в машине.

Отец поднялся и, выглянув из квартиры, кивнул кому-то.

В квартиру вошел высокий плотный мужчина с русыми коротко стриженными волосами, в сером распахнутом пальто, в костюме, с модным галстуком. Лицо его выражало вежливый интерес.

Яна поднялась из-за стола, осторожно разогнулась и вышла в прихожую.

– Познакомьтесь, Максимов Тимофей Константинович, мой зам. А это Яна, Яна Викторовна. – Слово «дочь» он так и не смог из себя выдавить.

– Очень приятно, – слегка поклонился Максимов и протянул руку.

Яна ее пожала. О приятности знакомства она упоминать не стала, но вежливость отцовского кореша все же отметила.

– Вот тут координаты Тимофея. По всем вопросам будешь обращаться к нему. Он за тобой присмотрит, – говорил отец, оставляя на подзеркальнике в прихожей визитку. – Вспомнила, как попала на проселок? – спросил он, не меняя тона.

– Нет, – стараясь подражать отцу, ровно ответила Яна.

Он молча кивнул и вышел вместе с помощником.

«А действительно, почему я так упорно не хочу думать о том, как попала на этот проклятый проселок?» – закрыв за гостями дверь и вернувшись в комнату, подумала девушка. Она осторожно легла на диван. Привычка относиться к себе бережно и не делать резких движений еще не прошла.

Ведь что-то она там делала? Зачем-то туда приехала?

Подумав немного, Яна поставила себе на колени ноутбук и раскрыла карту Ленинградской области. Может, если изучить местность, посмотреть названия населенных пунктов, она что-то вспомнит? Надо же с чего-то начинать!

Сурково, Кудрявцево, Ляпицы, Псоедь, Ушки, Липа. Ни одно из названий не вызвало отклика в ее душе. Ну никакого! Что за чепуха такая? Как же она там оказалась?

Голова у Яны давно уже не болела, так что думать можно было сколько душе угодно. Но сколько она ни скрипела мозгами, ничего путевого в голову не приходило, лишь росла скрытая внутренняя тревога.

Почему она ничего не помнит? Как она оказалась там? Зачем? Что делала? Была там проездом? Тогда куда ехала? Перепутала остановки? Маршрут автобуса? А ходят ли там вообще автобусы? Полный, абсолютный, безнадежный провал.

Яна села на диване. Отец все-таки прав, здесь что-то неладно. Вот только что? Никогда раньше она не попадала в переделки. С ней никогда ничего не случалось, она даже кошелек и документы ни разу не теряла. У нее не было сомнительных знакомых и поклонников. Так было всегда. Что же случилось?

Может, это из-за отца? Нет. Чепуха. Он появился в ее жизни позже. Надо было раньше его послушаться и всерьез задуматься о случившемся, а теперь он уехал, и посоветоваться даже не с кем.

Словно ответ на Янины жалобы, раздался трезвон ее мобильного.

– Алло?

– Яна, я твоя мать! И это нелепо, что я должна умолять тебя! Я носила тебя под сердцем, я кормила тебя, воспитывала, ночей не спала! – неся из трубки экзальтированный надрывный голос Леры.

– Не спала, потому что пила, пела и веселилась. А я невыспавшаяся в школу утром шла. И голодная, потому что твои хахали всю еду сжирали до крошки, – не поддавшись шантажу, как всегда жестко оборвала девушка.

Ее упреки уже потеряли остроту и горечь и вошли в привычку. Это был своего рода ритуал. Если звонит мать и клянчит деньги, Яна припоминает ей прежние обиды. Когда-то, лет пятнадцать-двадцать назад, страсти действительно кипели. Яна бросала матери упреки, хлопала дверью, уходила от нее к бабушке. Потом она повзрослела, успокоилась, обрела самостоятельность и ушла от матери навсегда, захлопнув за собой дверь бабушкиной квартиры. С тех пор они с Лерой виделись очень редко, чаще всего возле Яниной работы, когда мать подстерегала ее у выхода из бизнес-центра.

Лера всегда приезжала только из-за денег. При этом Яна никогда, ни разу их ей не дала. Потому что знала: пропьет, прогуляет. Одна или в компании – не важно. Но Лера все равно ездила и просила. Иногда за углом ее поджидал очередной ухажер. Порой старый спитой актер из ее театра, такой же неудачник, как и сама Лера, иногда молодое дарование лет тридцати, а бывало, что и моложе. Нищее и ленивое. В таких случаях Яна вела себя еще жестче. Никакой жалости к матери она не испытывала, потому что по большому счету Лера была счастлива. В отличие от нее, Яны. Лера жила весело, никогда не думала о завтрашнем дне, никогда не горевала о покинувших ее воздыхателях дольше двух дней и не задумывалась ни о возрасте, ни об одинокой старости. Яне иногда казалось, что у нее просто ума для этого не хватает.

И при всем при том выглядела Лера еще хоть куда. «Куда?» – тут же скептически оборвала себя Яна.

Мать сохранила стройную фигуру, местами, конечно, слегка обвисшую, но умело маскируемую яркими дешевыми нарядами. Беззаботное, а по мнению Яны, так просто глупое выражение глаз молодило ее умело подкрашенное лицо, которое, несмотря на развеселый образ жизни, спитым и одутловатым вовсе не выглядело. А жеманные манеры, легкая пританцовывающая походка, высоченные каблуки и звонкий голос отвлекали от морщинок на лице. Молодые поклонники довершали картину. Последние годы Лера мечтала о пластике, но не было денег.

У Яны жалкие потуги матери сохранить давно ушедшую молодость вызывали брезгливое отвращение.

– Денег не дам, – завершила свой обвинительный вердикт девушка и вдруг ни с того ни с сего спросила: – Слушай, а почему ты никогда не пыталась получить с отца алименты? Сама же как-то говорила, что денежки у него водились.

Этот элементарный, очевидный вопрос страшно озадачил Леру.

– Алименты? У кого получить? – переспросила она, усиленно скрипя мозгами.

– Алименты у моего отца на меня, – повторила Яна медленно.

– Ну, как это возможно? Он сидел, да и вообще, мы совершенно чужие люди. Это же неудобно, – сообразила, наконец, Лера.

– А почему ты не найдешь себе богатого мужика, ну или хотя бы работающего? Чтобы он тебя содержал. Все время тащишь в дом нищих неудачников? – Яну сегодня просто прорвало, причем не понять с чего. Никогда в жизни она не интересовалась материнскими резонами, даже пока они жили вместе. А тут вдруг эти вопросы? Девушка сама себя не понимала.

– Ну, – как-то неуверенно протянула Лера, а потом, словно стесняясь своего ответа, тихо сказала: – Мне их жалко.

«Полная, законченная дура», – заключила в очередной раз для себя Яна, но зачем-то задала очередной вопрос:

– А себя тебе не жалко? – Спрашивать, не жалко ли матери дочь, было глупо, и так ясно, что нет.

– А что мне себя жалеть? – искренне удивилась мать. – У меня жизнь сложилась. И личная, и творческая. Даже ты выросла и человеком стала.

Последнее Лерино заявление заставило Яну с хохотом завалиться на диван, так что даже шов отдался тянущей, щекочущей болью.

– Даже я человеком выросла? – сквозь стоны спросила она. Нет, все-таки с Лерой не соскучишься.

– Ну да. А что ты смеешься? – обиделась на этот раз Лера. – Ты маленькая такая замкнутая была, угрюмая, в садике на празднике даже стишок отказывалась прочесть. Я так переживала. – Сказав это, она, кажется, всхлипнула. – И совсем была не хорошенькая, на бурундука похожа. Я так волновалась, что ты в отца пойдешь.

Яна перестала смеяться. Об этом она никогда не задумывалась. Вся ее жизнь была наполнена тревогой, как бы не стать похожей на мать, про отца она вспоминала, лишь когда мечтала, чтобы он пришел и разогнал из их дома всю эту театральную шушеру, маминых приятелей.

– Ну так что? Ты дашь мне денег? – робко спросила Лера.

– Нет. Найди себе богатого мужика, как все нормальные люди делают, и у него клянчи.

– Тогда мне будет не надо, – печально ответила Лера и отключилась.

На этот раз Яна не злилась и не смеялась. Впервые в жизни ей стало жаль Леру. Что это с ней? Неужели она смогла простить ее? После стольких лет обид и вражды, вот так просто? Неужели она повзрослела? Повзрослела? В двадцать восемь лет? Не поздно ли? – иронично заметила сама себе Яна.

Нет. Взросление – процесс не физиологический и от возраста не зависит, лишь от внутренней зрелости.

В Яниной душе поселилась вдруг необычайная легкость, ясная и прозрачная, как осеннее небо за окном. Да, погода сегодня была чудо как хороша. Неожиданно потеплело, выглянуло солнышко, и остатки желтых листочков на березе под окнами весело трепетали на легком свежем ветерке. От газона под окном тянуло в форточку прелыми листьями и запахом земли.

Может, наплевать на папин запрет и пойти прогуляться, хотя бы вокруг дома обойти медленным шагом? Прогулки ей рекомендованы. Но отцовский запрет отчего-то суровым табу запечатлелся в ее мозгах, и Яна с несказанным удивлением поняла, что просто не в силах его послушаться. Вот они, загадки человеческой психологии.

Яна, которая с пяти лет привыкла сама принимать за себя взрослые решения и регулировать свою жизнь, потому как на Леру надежды не было, вдруг на пороге тридцатилетия превратилась в послушную слабовольную девочку. И смех и грех! И мать простила, и папу слушается. Это последствия двух травм или встречи с отцом? Или возраст такой критический?

Глава 6

Остаток дня Яна провела за самокопанием и чтением психологической литературы, в очередной раз забыв о проселке. А вечером явился Максимов. Позвонил за три минуты до прибытия. Что за хамство?

Девушке совершенно не хотелось его визита, к тому же Дианка обещала зайти после работы. В этот раз Яна не желала одиночества, и она обзвонила всех подруг, всех троих, и в красках рассказала им о нападении, естественно, они мигом примчались в больницу, да и дома обещали навестить. Сегодня вот собиралась заехать Диана, наверное, лучше позвонить ей и предупредить, чтобы приехала попозже, незачем ей с Максимовым сталкиваться.

Но Диана извинилась и сказала, что сегодня заехать не получится. Свекровь слегла с ОРЗ, и ей самой придется забирать Ильюшку из сада. Как следует расстроилась Яна не успела. Явился Максимов. Что с ним делать, девушка не представляла. Приглашать в комнату или лучше в кухню? Кухню Яна в прошлом году отремонтировала, выровняла потолок, стены, на пол положила плитку, купила современную мебель. Так что теперь кухня являлась ее гордостью. На ремонт в комнате деньги еще копились, а санузел она отремонтировала первым делом, еще когда въезжала в бабушкину квартиру. Поменяла все трубы и подводки, отбила старый кафель, выбросила облезлую чугунную ванну, поставила душевую кабину и стиральную машину-автомат. Яна поймала себя на мысли, что вместо того, чтобы открыть дверь, стоит посреди крошечной прихожей и блаженно улыбается, вспоминая свои свершения.

Лязгнули замки, Яна распахнула дверь.

– Добрый вечер, – вежливо поздоровался гость. – Как вы себя чувствуете?

– Спасибо, хорошо, – несколько высокомерно и неприязненно кивнула девушка. Она готова принять отца таким, какой он есть, но вот иметь дело с его «корешами» не намерена.

– Вы позволите мне пройти? – спросил все так же вежливо Максимов, не дождавшись приглашения.

Первым порывом Яны было спросить «зачем еще?». Но, проглотив эту грубость, она просто кивнула, сделав приглашающий жест. В конце концов, его отец прислал.

Девица Тимофея раздражала. Откуда эти высокомерие и снобизм? За кого она его принимает? За мелкую сошку на побегушках у папочки? Или, может, себя неправильно оценивает? Предполагает, что он явился сюда уставший, после работы, по зову сердца, снедаемый пылкой страстью? – снимая пальто и проходя в комнату, раздраженно размышлял Тимофей.

Квартира была настоящей живопыркой, он едва втиснулся в прихожую. Обстановка бедненькая. Не балует Саныч свою дочурку. А впрочем, он же только ее обнаружил.

Тимофей осмотрелся и выбрал для посадки потертое старомодное кресло с деревянными подлокотниками. Кресло выглядело неудобным, но садиться рядом с хозяйкой на диван ему категорически не хотелось, хотя он и выглядел заманчивей.

Тимофей тяжело вздохнул и, собираясь с мыслями, упер локти в колени и опустил подбородок на ладони. Надо избавиться от негативных эмоций и сосредоточиться на деле, велел он себе, в конце концов, он не на чай заехал. Кстати о чае. Могла бы и предложить из вежливости, продолжали крутиться в его голове непродуктивные мысли.

– Яна Викторовна, – начал он, наконец, прохладным нейтральным тоном, – Виктор Александрович перед отъездом поручил мне разобраться с вашими проблемами. А потому у меня вопрос: вы вспомнили, как оказались на дороге в районе поселка Ляпицы?

– Нет, – садясь на диван и складывая на груди руки, коротко ответила Яна.

– Но вы хотя бы пытались это сделать? – стараясь скрыть раздражение, спросил Тимофей.

– Да, разумеется, – поджав недовольно губы, ответила девушка.

Если так дальше пойдет, он, пожалуй, сам нанесет ей травму средней тяжести, пусть потом Курышев с ним разбирается. Тимофей скрипнул зубами, но разговор продолжил обычным ровным тоном.

– Скажите, Яна, как именно вы пытались решить этот вопрос?

«Он что, больной? Как именно? Напрягая извилины, разумеется!» – глядя на гостя с насмешливым презрением, проговорила Яна. Про себя, разумеется. А вслух спросила, не без язвительности:

– А что, есть разные способы?

– Конечно, – не поддаваясь на провокацию, проговорил Тимофей. – Как вы ставили вопрос: «что я делала на той дороге?», «как я туда попала?» – или как-то иначе?

– Именно так, – дернув недовольно головой, подтвердила девушка.

Сидя на диване напротив Максимова, она все больше ощущала, что старые голубые джинсы, которые она впопыхах натянула перед его приходом, безобразно обтягивают ляжки, а сидение на низком глубоком диване деформирует ее фигуру, образуя несметное количество жировых складок на животе. И сколько ни натягивай свитерок и ни складывай руки кренделем на груди, скрыть их не удастся, от этого только грудь больше выпирает. Эти факторы значительно ухудшали и без того не радостное Янино настроение. «Может, на кухню перебраться, под предлогом чая, там хоть стол скроет самые проблемные зоны?» – задавалась она молчаливым вопросом, искоса поглядывая на подтянутого, элегантного гостя.

«А с другой стороны, что мне за дело, скроет стол зоны или нет, что мне за дело до мнения какого-то урки?» – тут же высокомерно фыркнула Яна, но вслух торопливо проговорила:

– Может, на кухню перейдем, я вас хоть чаем угощу? – И тут же поднялась, не дожидаясь ответа. А вдруг не согласится.

Опомнилась, буркнул про себя Тимофей, направляясь вслед за девицей на кухню. Очнулась! И главное, как вовремя. Только к сути вопроса перешли!

Кухня выглядела неожиданно свежо и современно, хотя и была такой же малипусенькой, как вся квартира. Пока Яна ставила чайник, Тимофей втиснулся между столом и стеной и опустился на круглую табуретку, прикрытую пестрой подушкой.

На стол перед Тимофеем поставили тарелку с разнообразной нарезкой, хлеб, крекер, печенье, зефир, маринованные огурцы и шоколадные конфеты.

– Вам черный, зеленый? – лишенным всякой любезности голосом спросила девушка.

– Черный. Итак, – когда хозяйка, наконец, уселась за стол и перестала суетиться, вернулся к их разговору Тимофей, – давайте попробуем подойти к вопросу иначе. Что последнее вы помните до этого происшествия? Какого числа на вас напали?

– Восьмого октября, – задумчиво приподняв бровь и скосив глаза в сторону раковины, ответила Яна.

– Откуда вы знаете? Вы это помните? Вам сказали об этом в больнице?

– В больнице сказали, – уже другим, более заинтересованным тоном проговорила девушка. – Когда меня привезли, я вообще ничего не помнила, даже имени своего, на следующий день память стала возвращаться, но о том, какой был день и когда меня привезли, мне сказали в больнице.

– Так. Хорошо, – одобрительно произнес Тимофей. – Это уже что-то. В какое время вас доставили?

– Кажется, в середине дня, нет, все же ближе к вечеру. Я помню, что увидела фары на дороге вроде бы. Но точно не знаю, – с недоумением сказала она, понимая, что провалов в ее знании о себе гораздо больше, чем она предполагала.

– А теперь вспомните, что было накануне этого происшествия. Какой день до нападения вы помните последним?

Яна задумалась. Вопрос был отнюдь не глупым и стратегически правильным. Даже удивительно, что она сама до этого не додумалась. Наверное, плохо старалась.

Что же было до проселка? Девушка достала мобильник, открыла календарь и стала проматывать в голове события последнего месяца.

Кажется, достучался, глядя на сосредоточенную Яну, порадовался за себя Тимофей. Ну вот. Пока мадам скрипит мозгами, можно и перекусить, жрать действительно хочется. Когда он ел последний раз? Часа в два? А сейчас уже шесть.

И Тимофей без всякого стеснения принялся мастерить себе бутерброд с маслом, сыром, колбасой и маринованным огурчиком. И пока он с аппетитом ел, внимания на него никто не обращал.

Так. Что она помнит отчетливо, так это свое повышение, размышляла девушка, гипнотизируя взглядом календарь. Это было четвертого числа. Уж это она помнит совершенно точно. Днем начальство объявило о назначении Яны начальником отдела, вечером девчонки устроили маленькое скромное застолье, а на следующий день она переехала в новый кабинет. Потом была обычная работа, она входила в курс дела, проверила всю документацию за полгода, просмотрела все документы. Короче говоря, провела аудит, чтобы убедиться, что в наследство от предшественника ей не досталось какой-нибудь подлянки. С Шерстневым они не ладили, и он, зная о Янином назначении, вполне мог перед отъездом подготовить какую-нибудь пакость.

Пятого, шестого и седьмого числа она сидела в офисе и допоздна работала с документами. А вот что было после работы седьмого, она помнила как-то смутно. Вышла как обычно и пошла домой? А тогда что было восьмого? Встала как всегда и пошла на работу? В таком случае как оказалась на проселке уже в середине дня?

Беда заключалась в том, что все Янины дни были похожи один на другой, как близнецы. И ей трудно было сказать, что и когда именно произошло. Тем более что с тех пор прошел уже месяц.

– Ну, как успехи? – видя, что процесс застопорился, спросил Тимофей, вытирая руки салфеткой. Три бутерброда проскочили на ура, настроение резко улучшилось, и даже курышевская дочь не казалась ему теперь такой противной.

– Я точно помню, что седьмого числа я была на работе, а вот потом не уверена, – снова озадаченно хмурясь, пояснила Яна.

– Так. Уже хорошо. Особенно если учесть, что подвыпившая компания на зеленой «девятке» подобрала вас на той самой дороге поздно вечером седьмого числа, и примерно тогда же вы свалились в овраг.

– Я что, всю ночь в лесу пролежала? Одна? В овраге? Без сознания? На таком холоде? – Яниному ужасу не было предела.

Неужели это правда? Господи, кошмар-то какой! Как же так? Она же могла простудиться, ее могли покусать, убить, да вообще она могла умереть! Мысли одна страшнее другой вихрем носились в ее голове, бестолково сталкиваясь, словно элементарные частицы.

Тимофей сидел и наблюдал, как на лице спокойной и несколько надменной Яны появляется выражение детского испуга и даже паники. Губы ее округлились, кончики их жалобно поехали вниз, глаза увлажнились, зрачки расширились.

Тимофею стало ее жалко. Вздохнув, словно собирался приступить к неприятной, но необходимой процедуре, он заговорил, стараясь придать голосу успокаивающую мягкость. Получилось не очень.

– Вы зря так расстраиваетесь. Ведь все это уже в прошлом, как вы сами заметили, прошел уже месяц, какой смысл бояться того, что могло случиться и не случилось? Сейчас важнее подумать о том, что еще может с вами произойти.

Судя по выражению Яниного лица, утешитель из него вышел не ахти. Впрочем, он никогда не умел возиться с раскиселившимися барышнями. Его мать была женщиной волевой и суровой, работала педагогом в Вагановской академии и никаких слез и истерик не признавала. Отец Тимофея был давно отставлен матерью, и именно по причине мягкотелости. Был он поэтом, и не просто поэтом, а поэтом-неудачником. Сколько его помнил Тимофей, отец всегда жаловался на жестокость жизни, непонимание коллег и критиков, на подлость судьбы, цены на водку, отсутствие вдохновения, на снег, на дождь, на весну и осень. Он жаловался до тех пор, пока в один прекрасный день мать не выставила его вон вместе с чемоданом и пишущей машинкой. Тимофею было пять. Какое-то время отец приходил к нему в гости, но, как быстро выяснилось, не к нему, а к матери в надежде на возвращение. Надежды не оправдались. Потом отец женился вторично, на большой, доброй женщине, то ли поварихе из дома писателей, то ли пекаре из ближайшей кондитерской. Она его жалела, она им восхищалась, утирала слезы и сопли и вызывала глубочайшее презрение Маргариты Ростиславовны, Тиминой мамы. Постепенно визиты отца прекратились вовсе.

Тимофей взглянул на Яну. Возмущение, вызванное его «удачной» утешительной речью, помогло девице справиться с собой, и теперь с ней вполне можно было продолжить беседу.

– Итак, Яна. – «Яна Викторовна» почему-то у него не прижилось, она ему замечаний не делала, и он решил, что на «вы» и по имени тоже вполне допустимое в приличном обществе обращение. – Теперь давайте вспоминать, не происходило ли чего-то тревожного или необычного в вашей жизни, скажем, за неделю до происшествия?

– Да нет, – не задумываясь, ответила Яна, чья жизнь была сплошной однообразной рутинной.

– Давайте не будем спешить, – мягко остановил ее Тимофей. – Что-то, несомненно, было, только вы, возможно, не придали этому значения. Расскажите мне о вашем обычном среднестатистическом дне: что вы делаете, во сколько встаете, что едите на завтрак и так далее, вплоть до самого сна.

– Это еще зачем? – тут же взъерошилась Яна.

– Затем, чтобы вместе попытаться отыскать что-то важное и подозрительное, что прольет свет на ваши неприятности. – «Ну не затем же, что я жуть как люблю слушать истории о жизни одиноких дев», – проворчал про себя Тимофей, чувствуя, что энтузиазм его уже на исходе.

– Ну, встаю я в семь, умываюсь, пью кофе, одеваюсь, еду на работу, – начала недовольно девушка, чувствуя себя полной законченной дурой.

– Где вы работаете? – уточнил тут же гость.

– В Северной морской компании «Рыбный путь». Компания занимается добычей, импортом, экспортом, выращиванием и переработкой морепродуктов в России и за рубежом. Наш филиал обслуживает Северо-западный регион. До санкций занимались импортом рыбы из Финляндии и Норвегии. Сейчас активно ищем новых поставщиков. Правда, мой отдел внешними контрактами не занимается, – отчего-то смутилась своего служебного рвения Яна. Но когда речь заходила о работе, она всегда оживлялась, вероятно, оттого, что работа была самой яркой и интересной составляющей ее пресной жизни, которую она сама себе выстроила и которой до сих пор от души наслаждалась. До последнего времени? А сейчас? Девушка тревожно насупилась.

– А кем лично вы работаете? – не обратил внимания на ее внутренние переживания Тимофей.

– Незадолго до нападения меня назначили начальником отдела продаж, – проговорила Яна, выныривая из состояния задумчивости.

– Когда именно? – делая пометку в планшете, уточнил Тимофей.

– Четвертого октября.

– Ну, вот. А говорите, ничего интересного, – оживился отцовский зам.

«Интересно, а он зам по чему? По рэкету, незаконным финансовым операциям или отмыванию бабок?» – глядя на своего визитера без всякой симпатии, подумала Яна. Чем именно не угодил ей Максимов, она и сама бы толком не объяснила. Но плотный контакт с криминалом, хотя бы и бывшим, был ей неприятен, слишком уж правильной и добропорядочной она была и слишком страстно стремилась к такой вот тихой, респектабельной, практически пуританской жизни. По сути, к мещанскому болоту. Только слоников на буфете не хватало.

– Итак. Четвертого числа вас назначили начальником отдела. Зарплату повысили? – с завидным энтузиазмом расспрашивал Максимов.

– Ну да, – кивнула девушка, не усматривая пока связи с нападением.

– Другие претенденты на должность были?

– Не знаю. Вероятно. Я как-то сплетнями не увлекаюсь, – чопорно ответила Яна, оправдывая свои недавние размышления о собственном образе жизни и мыслей.

– А если все же подумать? – не удовлетворился ответом Тимофей.

– Ну, кажется, рассматривались другие кандидатуры.

– Какие именно? – с подчеркнутым терпением спросил он.

– Никита Мостовой из нашего отдела и сотрудница из соседнего, как зовут, не помню, я не особенно интересовалась, – пожимая плечом, проговорила Яна.

– А почему не интересовались? Вам не хотелось повышения?

– Хотелось, конечно. Но я сторонник честной борьбы и в интригах не участвую. Я была уверена, что начальство повысит наиболее достойного, не важно, кто это будет, – сказала девушка и почувствовала, как смешно, нелепо, фальшиво и претенциозно звучит ее ответ. А ведь она действительно так думала и так делала. Может, она безмозглая идеалистка?

– Зря. В нашей жизни, далекой от идеалов пионерской организации, пренебрегать столь эффективными методами не стоит, – с тонкой, едва заметной усмешкой произнес Тимофей. Начальственная дочурка его забавляла. Взрослая тетка ведет себя, как тургеневская барышня или как Тимур и его команда. И кажется, жутко собой гордится. Музейный экземпляр. «Последняя идеалистка», экземпляр обнаружен в Петербурге в первой четверти двадцать первого века.

– Скажите, Яна, насколько сильно эти люди хотели занять вашу нынешнюю должность? – спросил мужчина, стирая с лица неуместную улыбку.

– Вы что, намекаете, что это кто-то из них мне голову хотел проломить? – с кривой, полной скепсиса улыбкой спросила Яна.

– А вам представляется, что убийства совершаются, лишь когда на кону миллионный куш? Пойдите включите телевизор, там наверняка идет какая-нибудь хроника происшествий, и послушайте, что чаще всего становится причиной самых жестоких и кровавых преступлений. Мелкие обиды, копеечное наследство, зависть и ревность, и все это, заметьте, на бытовом уровне, – с горячностью проговорил Тимофей.

«Ну, тебе виднее», – презрительно глядя на гостя, подумала девушка.

Тимофей ее взгляд поймал, взял себя в руки и спросил ровным бесцветным голосом:

– Так что с вашими коллегами?

– Понятия не имею, – делая глоток холодного несладкого чая, пожала плечами Яна. – Я близко не общаюсь ни с одним из претендентов.

– А с кем вы близко общаетесь? – чувствуя, что начинает терять терпение, спросил Тимофей. Может, плюнуть на все, пусть Курышев возвращается из Таиланда и сам разгребает семейные неурядицы. Но все же сделал над собой усилие и спросил: – Эти люди могут собрать для вас кое-какую информацию на уровне сплетен?

Яна вспомнила Катю с ее рассказами о чужих романах, похоронах, доходах и уверенно ответила:

– Смогут.

- Прекрасно. Сейчас мы очертим круг интересующих нас вопросов, и вы им позвоните.
- Сегодня? Сейчас? – недоверчиво спросила Яна.
- А вы хотите подождать, пока в вашей квартире не взорвется газ или «сотрудник» Петроэлектросбыта не проломит вам голову? – ласково осведомился Тимофей, зловеще похрустывая крекером.

Глава 7

Разговор сложился легко. Катю Янины вопросы не удивили и не насторожили, она с радостью болтала обо всем и обо всех. Яне оставалось лишь направлять поток ее мыслей в нужное русло. Сперва Яну смущала необходимость разговаривать по громкой связи, но на этом настоял Максимов.

– Какой смысл пересказывать мне содержание разговора, вдруг упустите что-то важное. Будет проще включить громкую связь.

Пришлось подчиниться.

– Итак... – По окончании разговора Тимофей откинулся на спинку кресла, положил на живот сцепленные в замок руки и посмотрел на потолок. – Из разговора с вашей коллегой следует... Кстати, очень наблюдательная и общительная девушка, – с неожиданной симпатией заметил он, а Яна почувствовала если не укол ревности, то нечто отдаленно похожее.

Чем это ему Катя понравилась? Он ее даже не видел. Пустая, неглубокая болтушка, презрительно скривив губы, подумала Яна, но тут же устыдилась собственного недостойного порыва и мысленно попросила у Кати прощения.

– Я сделал выводы, что оба ваши конкурента вполне способны на радикальные меры. К тому же Мостовой замещал вас во время сотрясения, это могло поселить в нем твердую уверенность в том, что если вы сойдете с дистанции, то он естественным путем унаследует должность. А она, в свою очередь, открывает ему путь дальше вверх. Человек он молодой, амбициозный и, насколько я понял, не обладает столь твердыми моральными принципами, как вы, – не замечая Яниной задумчивости, заключил Тимофей. – Но прощупать надо обоих, и его, и эту, как ее? Турову. Женщины народ мстительный, так что возможно все.

Яна смотрела на развалившегося по-хозяйски в кресле отцовского зама, приподняв вопросительно бровь, и боролась с желанием обсудить подробнее тему, кто мстительнее, женщины или мужчины. Останавливало опасение, что в случае спора и без того затянувшийся визит выйдет за рамки всех допустимых приличий. И Яна предпочла промолчать.

– С вашей работой мне более-менее все ясно, – возвращаясь в нормальное положение и устремляя на девушку безмятежный взгляд, проговорил Тимофей. – Теперь переходим к личной жизни. Друзья, поклонники, бывшие поклонники, бывшие подруги и жены поклонников, бывшие тещи, ревнивые матери, сестры, друзья и так далее по цепочке. Кто вас не любит, кому вы могли насолить?

Яна чувствовала, как заливается пурпуром. Вот догадывалась она, что ничего хорошего от этого уголовника ждать не стоит. Но на вопрос отвечать все равно придется. Она гордо выпрямилась на диване и, высокомерно взглянув на Максимова, произнесла:

– У меня не так много подруг, двоих я знаю еще со школы и одну с института. В последнее время мы редко виделись, у всех семьи, дети, работа. К тому же нам нечего делить. А поклонников у меня нет, – резко, с вызовом бросила она нахальному самодовольному... Кому? Да неважно кому. – Да, и вот еще что, – спохватилась Яна, – любовников тоже нет.

Тимофей испытал мгновенную сильную неловкость, будто бы грубо, без приглашения влез в чужую интимную жизнь. Он даже вспотел. И кто его дергал за язык? Можно ведь было задать тот же вопрос интеллигентнее, нейтральнее.

– Ясно, – торопливо проговорил он, поднимаясь. – Ну что ж. Тогда проверим ваших коллег, а потом будем думать, что делать дальше. – Фразу свою он заканчивал уже в прихожей.

Яна испытала огромное облегчение, поняв, что он не собирается копаться в подробностях ее личной жизни, не удивляется, не возмущается и вообще, кажется, воспринял ее ситуацию как должную, хотя нет, вон как глаза бегают. От жалости, наверное. Одевается сейчас и думает,

ах, бедняжка, страшненькая, толстая, одинокая, никто не позарился, и даже поклонников у нее никогда не было.

А вот тут он ошибается. Были у нее поклонники. Правда, давно. Даня Строганов в школе и Ваня Гагарин в университете. Но поделиться воспоминаниями с Максимовым она не успела. Гость уже успел обуться, наскоро накинул пальто, повесил на шею шарф и теперь пятился к двери, лепеча что-то приличествующее моменту.

Дверь хлопнула. Яна задвинула засов. Она всегда на ночь задвигала засов. Замок можно вскрыть снаружи, а засов пойдя отодвинь. Спокойно и надежно. А она девушка одинокая, мало ли что. Хотя красть у нее по большому счету нечего. Драгоценностей и дорогой техники нет, не будут же воры выносить стиралку с холодильником? А сбережения она хранит в банке. Прежде чем выключить в прихожей свет, девушка взглянула на себя в зеркало. Толстушка-неудачница.

Она повернулась в профиль. Ну, вообще-то не такая уж и толстушка. Скорее женщина с формами. Яна втянула живот, потом подумала и распустила волосы. Густой блестящей волной они рассыпались по плечам. Девушка тряхнула головой, встала на цыпочки. Хм. Потом поднатужилась и попыталась изобразить «женщину-вамп». Прищурила глаза, приподняла брови, надула губы.

– Начальник отдела продаж, кандидат экономических наук Яна Викторовна Сорокина, – насмешливо произнесла она, опускаясь на пятки. Потом выключила свет и, прижав руку к тянущему шву, отправилась на диван отлеживаться.

Тимофей ехал домой и размышлял, как именно прошупать Яниных коллег. Внедрение в коллектив своего человека – дело хлопотное и не быстрое. Но как крайняя мера может быть и рассмотрено, если, конечно, Курышев пойдет на такие затраты. Но для начала хотелось бы обойтись малыми затратами. Энергетическими в том числе. Во-первых, очевидно, что и Мостовой, и Турова должны иметь сообщников. Не сами же они на Яну нападали. Ножевое ранение ей абсолютно точно нанес неизвестный мужчина. Она даже помнит, как он выглядел. Полиция, кстати говоря, по этому делу даже не чешется, сердито подумал Тимофей. Так. Значит, надо проследить, навести справки, подставить нужного человека. Это он может сделать и без Курышева. И Тимофей полез за телефоном.

Никита Мостовой уже полчаса поедал взглядом заветную дверь с надписью «Начальник отдела». На его покато высоком лбу, окруженном жиденькими рыжеватыми прядями, пролегли морщины. Заботы снедали Никиту Дмитриевича.

Вот уже месяц как решил вопрос с назначением Сорокиной, и почти весь этот месяц она не вылезает с больничного. Казалось бы, что может быть естественнее назначения на должность другого, более ответственного и здорового сотрудника? И кандидатура этого самого сотрудника буквально взывает к справедливости. Никита уже месяц замещает эту корову, а дело ни с места.

Да он просто обязан сидеть в вожденном кабинете на законных основаниях, и сидел бы, если бы не смерть Рогутского. Вот за что ему так не везет? – плаксиво спросил небеса Никита Дмитриевич и злобно пнул под столом корзину для бумаг. Как бы он ни страдал, привлекать внимание коллег было вовсе ни к чему. Надо было разрабатывать тактику и стратегию. Тактику подкупа и стратегию подставы.

Он и так слишком долго выжидал, пока наверху решится вопрос с назначением на место Рогутского. Не дождался.

Хохлов настолько занят собственной избирательной кампанией, что мелкие вопросы вроде назначения исполнительного директора филиала ему просто неинтересны. А без него ни один кадровый вопрос такого уровня не решается. Вот и сидел Никита почти целый месяц,

ожидая манны небесной. Но теперь все. Кончено. Время поджигает. Или сейчас, или никогда. По секретным сведениям, добытым им сегодня, Сорокина выходит на работу в понедельник. Если она засядет у себя в кабинете, скосырнуть ее с места будет проблематично. На работу она должна выйти в следующий понедельник, а сегодня, на минуточку, вторник.

Вопрос, к кому лучше обратиться. На данный момент начальство больше волнует, кто займет кресло Рогутского, чем мелкие кадровые перестановки на уровне начальников отделов. Но Никита не мог ждать, когда созреет начальство, ему надо было действовать немедленно, не дожидаясь появления Сорокиной. Никита тихо вздохнул, подтянул к себе папку с последними контрактами по мелкой рознице и отправился к Котляровой «за советом».

Котлярова была этаким мастодонтом их конторы и практически выросла в свое кресло директора по кадрам, не имея перспектив роста и имея твердое намерение досидеть в нем до пенсии.

– Лидия Степановна, можно? – просовывая в дверь голову и протискивая следом плотный животик, ласково спросил Никита.

– Заходи, чего тебе? – подняв глаза над очками, спросила Котлярова. Ее воинственность, низкий прокуренный голос и хамоватая манера обращаться на «ты» ко всем сотрудникам, исключая членов совета директоров, в сочетании с хрупкой внешностью и миниатюрным ростом производили впечатление пугающее, почти гипнотическое. Опозданий в их конторе не водилось, потому что опоздавший тут же по прибытии вызывался в кабинет Котляровой, а это не то удовольствие, с которого хочется начать рабочий день. Даже взрослые, здоровые, состоявшиеся мужики вываливались из ее кабинета с валидом под языком и слезами на глазах. Котлярова могла раскатать по паркету любого.

Вот к этому ястребу и направил дрожащие от предвкушения и робости стопы коварный Никита Дмитриевич.

– Ну? – хрустя леденцом, поторопила его Котлярова, потом нехотя пояснила: – Курить вот бросаю, в связи с последним приказом по фирме. – Потом снова опустила забрало и вперилась в посетителя невыразительным, как у акулы, взглядом.

– Лидия Степановна, я вот, собственно, по какому вопросу, – вдумчиво, сосредоточенно начал издали Никита. – Я с вами посоветоваться хотел, как с самым опытным и компетентным представителем руководства нашей фирмы.

Котлярова скривила рот и скептически приподняла бровь в ответ на столь явную, неприкрытую лесть.

Но Никиту это не смутило. Он считал, что если человек не падок на лесть, это не значит, что ему не надо льстить, это означает, что льстить надо в открытую, грубее, откровеннее и наглее. Доброе слово, как известно, и кошке приятно. А потому, взглянув Котляровой в глаза простодушным открытым взглядом, проговорил:

– Ну, вы же это и сами знаете, Лидия Степановна. – Никита развел руками, за что получил уже одобрительную ухмылку. – Так вот, я по поводу нашего отдела.

– А что с вашим отделом? – откидываясь на спинку кресла и сощуривая и без того маленькие глазки, спросила Котлярова.

– Понимаете, на фирме сейчас и без того сложный момент...

– С чего ты взял? – резко, почти враждебно перебила Котлярова.

– Ну, так ведь смерть Рогутского, на его место пока никого не назначили, да еще у нас в отделе нет определенности. А ведь именно сейчас очень важно, чтобы каждый сегмент работал в полную силу, с полной, так сказать, отдачей. А в таком важном отделе, как наш, по сути, царит полное безвластие. Сотрудники распустились, за последнюю неделю поступило несколько претензий от партнеров. – Заметив тревогу на лице Котляровой, Никита самодовольно усмехнулся, разумеется, про себя, и поспешил успокоить начальство: – Я, конечно,

тут же принял меры, связался с компаниями, урегулировал разногласия, но сам по себе факт тревожный. И...

– Сорокину подсидеть хочешь? – снова откидываясь на спинку кресла, с поразительной проницательностью и прямолинейностью спросила Котлярова.

– Да нет, что вы, я ни в коем случае... – выпучивая глаза и ерзая, запротестовал Мостовой.

Реакция была, конечно, не та, о которой ему мечталось. Но Котлярова хоть и строит из себя этакую прямолинейную шпалу, в душе отнюдь не дура и все поймет правильно. И уж во всяком случае, примет его эскападу к сведению и оценит, что к ней он пришел к первой, и, возможно, если вопрос о смене заведомо поставят в другом кабинете,отреагирует как надо. К тому же Сорокина уже месяц не появляется на работе, а Котлярова придерживается конкретной точки зрения. Сдохни, а на работу приползи.

Покинув страшный кабинет, Никита промокнул лоб свежим носовым платочком и задумался.

Его организм не был приспособлен для борьбы, он был рыхл, упитан и слаб. Но изощренный, коварный ум с лихвой компенсировал несовершенство тела. Никита показывал скверные результаты на короткой прямой, зато был силен в подковерном ориентировании.

Никита Дмитриевич постоял в коридоре, размышляя о превратностях бытия, пока пульс его не снизился до семидесяти ударов в минуту, после чего сделал несколько шагов и замер у следующей начальственной двери.

Финансовый директор компании Самуил Аркадьевич Нетребский был руководителем иного вида, нежели Лидия Степановна.

– Никита Дмитриевич! Прошу. – Голос Нетребского звучал бодро, энергично, глаза задорно, дружелюбно посверкивали над тонкой золотой оправой очков.

Самуил Аркадьевич был молод, чуть старше самого Никиты, образован, имел диплом Высшей школы экономики, то ли немецкой, то ли австрийской, сотрудники фирмы расходились во мнении, но некоторые особо преданные начальству поговаривали, что даже швейцарской.

Финдиректор был подтянут, загорел и модно подстрижен. Его запястье украшали элегантные часы известного бренда, а галстук подчеркивал цвет глаз.

Рядом с этим образцом успешности Никита почувствовал себя гораздо менее уютно, нежели в кабинете Котляровой.

Он нервно одернул манжет рубашки, чтобы прикрыть подделку «Ролекса», попытался втянуть живот, чтобы придать спортивности фигуре.

Да. Ступени социальной лестницы – это вам не какая-то абстракция, а жестокая реальность. У себя в общем зале отдела продаж Никита был перспективным молодым специалистом. Он носил элегантные костюмы, обладал хорошими манерами, имел горделивую осанку и цветущий вид, присущий преуспевающему человеку. В кабинете Нетребского он мгновенно превратился в серый офисный планктон, лишенный лакового блеска. Жалкий, пахнущий дешевым, всего за три тысячи купленным парфюмом, с поддельным «Ролексом», дряблыми мышцами и бледной кожей, не тронутой солнцем южных морей и далеких островов, одно название которых затуманивает взор и волнует кровь. Маврикий, Сейшелы, Доминикана, Бали.

Никита подавил тяжкий, горький вздох и, сглотнув горечь, постарался энергично и бодро улыбнуться навстречу начальству. Тактика, использованная им в беседе с Котляровой, здесь не годилась. Здесь требовались открытость, обоснованность, аргументы. Открытость никогда не была сильной стороной Никиты, но можно ведь просто поиграть в нее, а это уже совсем другое дело.

Никита уселся на предложенный стул и принялся усиленно изображать «затруднительное положение».

– Никита Дмитриевич, у вас что-то стряслось? Неприятности в отделе? – проявил вежливую участливость Нетребский и даже очки снял.

– Самуил Аркадьевич, не знаю, как и приступить, – озабоченно нахмурился Никита. – Дело действительно касается работы отдела, но поскольку оно затрагивает и мои интересы... – Никита замялся и замолчал.

– Ну, вы начните излагать, а потом мы уже вместе подумаем, как быть с вашей ситуацией, – любезно предложил Нетребский, демонстрируя манеры современного демократичного руководителя западного типа.

Никита глубоко вздохнул и решительно, словно в воду прыгнул, начал:

– Самуил Аркадьевич, наш отдел фактически уже месяц лишен полноценного руководства. Яна Викторовна Сорокина, которую назначили начальником нашего отдела после перевода Шерстнева, за месяц, который прошел со времени ее назначения, присутствовала на службе не более трех-пяти дней. Гибель Виталия Валерьевича поставила работу фирмы в еще более сложную ситуацию. – Он скорбно вздохнул и взглянул на Нетребского, тот одобрительно кивнул, и Никита продолжил: – Я понимаю, что в данный момент решается вопрос о назначении преемника Виталия Валерьевича, и пока его не назначат, некоторые проблемы не могут быть улажены. Но дело в том, что я, как временно заменяющий Яну Викторовну сотрудник, вижу, как это двойное безвластие наносит ущерб работе фирмы.

Нетребский приподнял брови.

– Пока мы худо-бедно справляемся, – поспешил успокоить его Никита, – но дисциплина падает, народ разбалтывается, и это начинает сказываться на работе. На прошлой неделе мы уже получили несколько претензий от поставщиков, и сети неоднократно возмущались сроками и объемами поставок. Контракты выполняются, но появились сбои и недоработки. – Никита поджал губы и попытался справиться с волнением. – Я делаю что могу, и пока мне удавалось купировать конфликты. Но чем дольше продлится эта неопределенность в руководстве, тем больший урон будет нанесен компании. Мои возможности ограничены, я даже не являюсь официальным и.о. госпожи Сорокиной.

Нетребский слушал его внимательно, задумчиво поглаживая гладко выбритый подбородок.

– Что ж, – оторвал он наконец от окна задумчивый взгляд и посмотрел на Никиту. – Я понял ваше беспокойство, Никита Дмитриевич, я обдумаю сложившуюся ситуацию, и, возможно, мы обсудим ее с Ильей Анатольевичем. А пока вы можете идти.

Никита поднялся, молча, с достоинством поклонился и покинул кабинет энергичным шагом делового человека.

Кажется, дела сдвинулись с мертвой точки. Сейчас Нетребский позвонит Котляровой, выяснит, как давно отсутствует Сорокина, а потом, возможно, поинтересуется мнением Котляровой по поводу его возможного назначения. Эх, если бы продлить больничный Сорокиной еще на недельку-другую, его назначение было бы вопросом решенным. И Никита, не глядя по сторонам, двинулся к себе в закуток, погруженный в глубокую задумчивость.

– Ян? Привет, это я, Катя. Ну как ты там? Как самочувствие? – вполголоса торопливо спрашивала девушка, то и дело выглядывая в проход. – Слушай, Ян, тут такое дело. Сегодня ко мне Мостовой подкатывал, с самого утра доставал. Чего надо? – сердито переспросила Катя. – Того. Слушай, не перебивай. Интересовался, когда ты на работу собираешься. Да знаю я, что он тебя замещает! – отмахнулась она от очередного неуместного Яниного комментария. – Так вот, он долго меня расспрашивал, даже кофе угостил из автомата, а ты знаешь, какой это жмот, у него казенной скрепки не выпросишь. Так вот. Сперва я не беспокоилась, а потом, ближе к обеду, смотрю, он в начальственный кабинет семенит, с папочкой под мышкой. Чего это он, думаю? И к кому? Ну, вылезла из-за стола и следом, якобы в туалет. А он

сперва к Котляровой, довольный оттуда такой вышел, с хитрой мордой, а потом прямехонько к Нетребскому. Рогутского нет, на его место пока никого не назначили, вот он по кабинетам и зашустрил, – заговорщицким шепотом докладывала Катя. – В общем, так, подруга, если ты завтра же на работе не нарисуешься, в понедельник можешь занимать место Мостового, потому как он наверняка решил тебя подсидеть и, судя по всему, хочет успеть до твоего возвращения, – уверенно заявила она. – У меня на такие дела чутье. – Девушка снова тревожно выглянула в проход. – В общем, хочешь сохранить должность, завтра же выходи на работу.

Яна сидела на диване с трубкой в руках и пустым взглядом смотрела в окно. Как же так? Может, Максимов и прав? Она слишком расслабилась?

Сколько дней она проработала в новой должности? Да в общей сложности меньше недели. Она же с больничных не вылезает! Это ей еще повезло, что Рогутский погиб, если бы не это, ее давно бы уже понизили. Елки-палки! О чем она только думала все это время, идиотка?

Яна поднялась с дивана и суетливо заметалась по квартире, собираясь на работу. Так, перевязку надо перенести на вечер, одеться поостроже. Нужно немедленно Кате перезвонить, пусть скинет по компу всю документацию за последний месяц.

Стоит заранее разобраться, что там у них происходит, а то вдруг Мостовой без нее чего-нибудь навалит, а ей потом разгребать придется. Так хоть заранее быть готовой.

Остаток дня Яна, не поднимая головы, работала с документами.

Глава 8

– Тимофей? Это я. – Милана Лагунова сидела в глубоком мягком кресле, закинув на журнальный столик длинные, обутые в высокие сапоги на тонкой шпильке ноги. Кабинет, в котором она расположилась, был выкрашен в сложный темно-зеленый, почти черный цвет, обстановка кабинета напоминала что-то среднее между будуаром и артистической гримеркой.

– Ну, что, чем порадуешь? – спросил Тимофей очевидно сонным голосом. Неудивительно, часы показывали половину второго ночи.

– Да ничем. Сiju вот в «Кровавой Мэри», выгнала Тугана из кабинета, чтобы тебе позвонить, – пожаловалась Милана, закатив к потолку глаза.

– И чего? Ради этого стоило меня будить? – недовольно проворчал мужчина, понимая, с кем связался. И что, несмотря на многочисленные таланты Миланы, эгоизм всегда был ее слабым звеном, и что в отличие от него она вела исключительно богемный образ жизни, если жизнь, а точнее, выгодный заказ не диктовал иное.

– Да брось ты, время еще детское, а Мостовой твой такая зануда, еле терплю. Вот решила тебе позвонить, поплакаться, вдруг гонорар поднимешь, – болтала легкомысленно Милана, ни на что особенно не рассчитывая.

– Обойдешься. Лучше расскажи, что он за тип, уж коли позвонила, – проворчал Тимофей, откидываясь обратно на подушку и прикрывая глаза.

– Обычный офисный планктон. Самодовольный жлоб с похотливыми ручонками, – брезгливо скривив ярко-алые губки, пожаловалась девушка.

– Мил, я тебя не об этом спрашиваю, – не проявил сочувствия Максимов.

– Мог он твою Сорокину заказать? Ну, теоретически мог. Если у него есть человек, имеющий выход на исполнителей, сам с таким контингентом общаться не станет. Только через посредника, – заключила Милана нормальным, лишенным жеманного кривлянья голосом. И в тот момент выражение ее глаз явно диссонировало с общим обликом. Черный, отделанный кружевом корсет, вызывающий и откровенный, из которого практически вываливались ее аппетитные груди, обтягивающие леггинсы, густые черные волосы, гладко зачесанные назад и убранные в хвост, яркий вульгарный макияж характеризовали ее как завсегдатая клубов, охотницу за богатыми мужиками. Но выражение глаз и речь явно вступали в противоречие с внешностью. – Ну, что, сам будешь с ним работать или мне продолжать?

– Не упускай его пока, а там посмотрим. К крайним мерам не переходи, постарайся определить круг его знакомых, – рассудил Тимофей. – И, кстати, не звони мне по ночам без крайней необходимости, – прибавил он и выключил мобильник.

Яна ворвалась в свой кабинет за десять минут до начала рабочего дня, красная от раздражения и потная от испуга. Все-таки что ни говори, а на работу ее еще не выписывали, шов до конца не зажил. И то и дело тянул, когда Яна, забывшись, делала резкие движения. Только бы не разошелся, еще две недели в больнице ее карьерному росту не помогут, да и страшно. За всю Янину жизнь с ней не случилось столько ужасов, сколько за последний месяц. Да с ней вообще ничего страшнее удаления молочных зубов в жизни не происходило. Ну, не считая, конечно, Леру. Но это тема отдельная и, кажется, уже навсегда отпущенная.

Яна бросила сумку на стол и осторожно стянула с себя пальто. Нет, ну каков Мостовой! Не успела она войти в бизнес-центр, как тут же встретила Наташу, секретаршу Нетребского. С Наташей они не дружили, но Яна всегда старалась поддерживать вежливые, приятельские отношения со всем коллективом, включая уборщиц и директорских секретарш, как и положено воспитанному человеку.

– Ой, Яна! А чего ты приехала, тебя что, Нетребский вызвал? Ты же вроде еще на больничном? – простодушно хлопая ресницами, поинтересовалась Наташа.

– С чего ты взяла, что меня кто-то вызвал? Просто пришла на работу, – пожала плечами Яна, почувствовав тревожное волнение.

– Ну, просто вчера Мостовой по начальству бегал, а потом Самуил Аркадьевич с Лидией Степановной и Ириной Игоревной из внешнеторгового обсуждали, что с вашим отделом делать. Я сама слышала, когда кофе приносила, – пожала секретарша плечами. – Вроде как компания без нормального руководства осталась, у вас в отделе завал, ты уже месяц бюллетенишь, вот я и подумала.

– Никто мне не звонил. Просто выписалась и на работу вышла, – сердито огрызнулась Яна, потом, поймав недоуменно-обиженный взгляд Наташи, спохватилась, и добавила: – Понимаешь, оставила вместо себя Никиту, каждый день звонила, контролировала, как он там без меня справляется, а он все дела завалил и еще меня подставить норовит. Вот, пришлось почти на неделю раньше выписаться. А у меня, между прочим, шов еще не зажил, – вывалила она на одном дыхании и сама себе поразилась. С каких это пор она научилась так виртуозно врать, да не просто врать, а с умыслом и выгодой? Но Наташа ее тираду восприняла как должную и только поинтересовалась:

– Тебе чего, аппендицит вырезали?

– Какой аппендицит? На меня бандит возле дома напал. Колото-резаная рана, мне операцию делали, хорошо, еще не поздно было, люди мимо шли и неотложку вызвали, – полным трагизма голосом поведала Яна и еще раз себе удивилась. Всю жизнь она стремилась избегать драматизма и театральщины, и нате вам! Откуда что берется? Мамочкины гены проснулись, что ли?

– Да ты что? А я и не знала! – всплеснула руками Наташа.

Да, в общем, такая реакция и понятна, сколько человек из Яниных знакомых подверглись нападению вооруженного бандита? Яна с удовольствием и в красках поведала историю своего чудесного спасения, и Наташа, выйдя из лифта, тотчас же отправилась разносить новость по кабинетам, а Яна пошла к себе выпускать пар и кипеть от возмущения. Нет. Мостовой, конечно, подлец, но она-то о чем думала, дуреха? Так долго идти к этой должности и так легкомысленно отнестись к исполнению собственных обязанностей? Нет, выходило, что Мостовой тут вовсе ни при чем. Она сама во всем виновата, и ведь самое ужасное, что она ни разу не удосужилась позвонить на работу, чтобы узнать, как тут без нее идут дела. Погрузилась в пучину личной жизни!

Первым делом Яна позвонила Лидии Степановне и сходила к ней для объяснений. Котлярова приняла ее холодно, и никакие Янины рассказы о ножевых ранениях на нее не подействовали. Плохой признак.

Далее Яна вернулась к себе и тут же вызвала Никиту со всей документацией.

Он с трудом держал лицо. Даже о самочувствии спросить ее не смог.

Когда он утром веселый, полный тайных надежд явился на работу и увидел сквозь распахнутую дверь кабинета сидящую за рабочим столом Сорокину, чуть вслух не выругался. Что принесло сюда эту корову? Ведь ему же вчера твердо пообещали, что раньше понедельника ее не будет. Настроение тут же испортилось, а недосып и последствия вчерашнего воздействия в клубе ощутимо обострились.

А ведь каким чудесным был вчерашний день! – горестно вздохнул Никита, плюхаясь за свой стол. И с начальством так гладко все прошло, и с девицей классной познакомился. Обычно такие цыпочки до него не снисходят. А тут прямо сама в руки упала! Никита с вождением вспомнил Милану, таких дорогих и красивых телок у него еще не было. Эх, жалко, не вышло вчера ее в постель затащить, ну ничего. Еще не вечер, телефончик она ему оставила и даже кое-что пообещала.

Никита крутанулся в кресле и тут же почувствовал дурноту. Этот симптом помог ему вернуться к трагической реальности и углубиться в решение обострившейся проблемы: как убрать с пути Сорокину. Долго размышлять ему не пришлось. Та, легка на помине, вызвала его к себе с отчетом, причем таким тоном, словно он ей шестерка на побегушках. Нет, пора с ней кончать.

После короткой, наполненной скрытой антипатией встречи с Мостовым Яна схрумкала пачку шоколадных драже и принялась скрупулезно изучать состояние дел, параллельно обзванивая поставщиков и представителей крупных сетей, желая лично выяснить, были ли сбои в работе отдела и имеются ли жалобы у партнеров. К счастью, ни жалоб, ни сбоев не было. Уже легче.

Яна все ждала вызова к Нетребскому, но так и не дождалась. Может, самой сходить, пока рабочий день еще не закончился? – размышляла она. Сработать на опережение. Но какой-то глупый детский страх мешал ей на это решиться. А может, и так все обойдется? Просто она будет теперь ходить каждый день на работу, и все само собой забудется?

Эта трусость тоже была ранее несвойственна прямолинейной, решительной, принципиальной Яне. Что же с ней происходит? Может, ей надо съездить в санаторий, нервишки подлечить?

– Какой санаторий! Тебе пахать надо! – одернула сама себя девушка и решительно двинулась в сторону начальственного коридора.

Разговор с Нетребским немного Яну успокоил, во всяком случае, явной враждебности он не демонстрировал. Уже приятно. Впрочем, с таким же приятным лицом он мог запросто ее уволить. Нетребский все делал одинаково доброжелательно.

Так что тревога в Яниной душе нисколько не развеялась. Напротив, ближе к вечеру она вдруг хватилась папки с договорами за третий квартал. Девушка в панике перекопала весь кабинет, лично сбегала к Мостовому. Но тот о договорах понятия не имел. Наверное, так оно и было. Третий квартал закончился раньше, чем Яне проломили голову.

И тут Яна вспомнила.

– Тимофей Константинович, это Яна. Вы спрашивали, не было ли чего-то необычного перед нападением, – забыв поздороваться, торопливо говорила она негромким тревожным голосом. – Так вот. Я только сейчас вспомнила! Пришла на работу и обнаружила, что папки с договорами за третий квартал нет, стала ее искать и вспомнила, чем я занималась в тот последний вечер на работе, седьмого октября!

– Простите, я правильно понял, – перебил ее Тимофей, – вы сейчас находитесь на работе?

– Да. Но это не важно, – отмахнулась от него Яна. – Важно, что в тот вечер мы с Рогутским, это наш исполнительный директор, как раз и работали с этой папкой. Я тогда только заняла кресло начальника отдела и просматривала бумаги своего предшественника, и вдруг случайно обнаружила накладные на поставку форели из Норвегии, документы были датированы двадцать пятым августа. То есть уже после введения санкций. А я точно знаю, что никаких поставок из Норвегии в августе быть не могло. Я бы знала. Как только ввели санкции, мы сразу же приостановили все связи с Норвегией и Финляндией.

– Так, – протянул задумчиво Тимофей. – Это действительно интересно. На какую сумму поставки?

– Кажется, речь шла о нескольких тоннах. Мы крупная фирма, и объемы поставок у нас соответствующие. Сумма приближалась к десяти миллионам.

– Ясно. Значит, сейчас эти документы пропали? Что говорит о них ваш директор?

– Ничего. Рогутский погиб, разбился на машине недели три назад.

– Очень интересно. Значит, седьмого вечером вы находите документы и сообщаете о них исполнительному директору, как там его? Рогатский? – попробовал обобщить Тимофей.

– Рогутский.

– Так. В этот же вечер вы загадочным образом оказываетесь в овраге на неизвестном проселке и никак не можете вспомнить, как там очутились. Вы так и не вспомнили, как покинули офис?

Яна задумалась. Теперь, когда она вспомнила о документах, события того вечера стали потихоньку всплывать в ее голове. Впрочем, всплыло немного.

– Нет. Последнее, что я отчетливо помню, это разговор с Рогутским в его кабинете. Дальше провал.

– Ну, что ж. Уже хорошо. Кто, кроме вас двоих, знал о том, что вы обнаружили документы?

– Кажется, никто. Я точно никому не рассказывала, надо было сперва выяснить, откуда они взялись, – с сомнением проговорила Яна.

– Подумайте как следует, это важно, – посоветовал Тимофей.

– Ну, вероятно, могла знать секретарша Рогутского, она приносила нам чай перед тем, как уйти домой, и вообще заходила в кабинет несколько раз во время нашего разговора, могла что-то слышать, – скрипела изо всех сил мозгами девушка.

– Отлично. Кто-то еще? – подбодрил ее Тимофей, хотя и одного свидетеля было достаточно. Как гласила старинная пословица, знают двое, знает и свинья.

– Ну, когда я шла к Рогутскому с документами, сотрудники еще были на местах, могли видеть меня с папкой, хотя вопрос, куда я иду и что это за документы, никто не задавал, – справедливости ради заметила Яна.

– Это не важно. Если вас видел человек заинтересованный, он и так мог обо всем догадаться. Еще кто-то?

– Нет. Это все, – уверенно проговорила она.

– Так. Рогутский при вас никому не звонил и о документах не рассказывал? – проявил завидную дотошность Тимофей.

– Нет, кажется.

– А секретарша этого самого Рогутского все еще работает в фирме?

– Ну да. Я ее сегодня видела, – подтвердила девушка.

– Отлично. А теперь объясните мне, что вы делаете на работе, если вам строго-настрого было запрещено одной выходить из дома, к тому же у вас больничный, насколько мне известно, до понедельника? – язвительно-требовательно спросил Тимофей.

– Жизнь заставила, – неохотно пояснила Яна и коротко обрисовала ситуацию.

– Так, – задумался собеседник. – Скажите, а что все же было с этими документами? Через фирму действительно прошла эта поставка или кто-то хотел подставить фирму, а возможно, кто-то из сотрудников ошибся, например, с датой?

– Мы так и не разобрались. Время было позднее, пока мы беседовали, все сотрудники уже разошлись. Провести полномасштабную проверку мы не успели, кажется, собирались перенести на завтра. Но я не помню, чтобы видела хоть какие-то документы, свидетельствующие о поступлении этой партии рыбы в торговые сети. Возможно, что документы для сетевых клиентов были уже подправлены, а возможно, ее специально придержали на складе, чтобы успеть подчистить документы. А может, такой партии и вовсе не было, – задумчиво рассуждала Яна. – Хотя это сомнительно.

– Вот это действительно интересно, – согласился с ней Тимофей. – Вы можете скинуть мне список сотрудников вашей фирмы? Или хотя бы ее руководства и сотрудников вашего отдела?

– Да, могу. Руководство фирмы и наш отдел. Полный список сотрудников – информация секретная и хранится у директора по кадрам, а оттуда ее получить может либо генеральный директор, либо правоохранительные органы по постановлению суда. И то директорша скорее съест списки, чем доверит их в чужие руки, – с усмешкой пояснила девушка.

– Ладно. Давайте, что можете, – согласился Тимофей. – И вот еще что. С работы ни ногой. Во сколько вы заканчиваете?

– В шесть.

– Значит, в шесть часов я сам лично встречу вас в холле вашего офисного центра. До моего звонка со своего этажа ни шагу, – велел он твердым, не допускающим пререканий голосом.

– Так уже без двадцати шесть, – взглянув на часы, недовольно заметила Яна. Она устала, шов побаливал, и ей до смерти хотелось домой. Она даже такси собиралась вызвать.

– Значит, будете сидеть и ждать, – жестко оборвал ее Тимофей. – И для пушего спокойствия запритесь в кабинете на ключ.

«Ну конечно! – фыркнула Яна, закончив разговор. – Буду я какого-то урку слушаться». Но последнее замечание вместо раздражительного вышло каким-то мягким, почти умильным. Девушка скривилась от отвращения к самой себе. С каких это пор она стала растекаться, как кисель, стоит на нее взглянуть представителю противоположного пола?

Яна откинулась в кресле и задумалась. Всю жизнь она сторонилась легкого флирта, глупых девичьих увлечений, необдуманных легковесных романов. Принципиально не кокетничала с мальчиками, парнями, а потом и с мужчинами. Не выносила слащавых сюсюканий, розовых мечтаний, страданий, метаний, о том, что такое ревность, и подавно не имела представления. Потому как ревность – это удел слабых, неполноценных натур, к тому же лишенных интеллекта.

При этом Яна вовсе не отказывалась от идеи создания семьи, но ей семья представлялась прочным, фундаментальным, основанным на доверии, взаимных интересах и, разумеется, искренности и верности содружеством. За почти тридцатилетнюю жизнь у нее случилось два романа. Первый в восьмом классе с Даней Строгановым. Отношения их строились на основе дружбы и взаимного доверия. Даня был надежным, смелым, сдержанным в выражении чувств, в общем, полностью соответствовал Яниным представлениям о настоящем мужчине. К сожалению, через год, в конце девятого класса Даня вместе с родителями переехал в другой город, и их дружба-любовь закончилась. Потом был Ваня. Они познакомились в университете. Он был умным, скромным, надежным и основательным. Их отношения были стабильными, лишены глупых эмоциональных всплесков, они не дарили друг другу розовых плюшевых мишек, не посылали смайлики и поцелуйчики, не держались за руки под столом в кафе, и все было чудесно до тех пор, пока на горизонте не возникла девушка Ксюша с длинными ресницами, глупыми коровьими глазами, хихиканьем, привычкой краснеть без всякого повода и страстью к уменьшительно-ласкательным словечкам. Яночка, Ванечка, сумочка, ручечка, кафешечка, сладенький, миленький, умненький, добренький, самый чудесненький и такой перспективненький, наверняка в аспирантурочку попадет. Так вот и случилось, что через месяц после знакомства с Ксюшей Ваня подошел к Яне и честно сказал: «Извини, ты мой лучший друг, но я люблю другую». Яна все поняла, пожелала ему счастья, и они расстались навсегда. Потому что Ксюша не одобрила такую дружбу. Даня с Ксюшей поженились, а Яна по окончании университета нашла хорошую работу и принялась выстраивать карьеру, не особенно горюя о превращениях судьбы и подлости сладкоголосой Ксюши.

Затем последовали годы, посвященные работе. Подруги Яны выходили замуж, рожали детей, устраивали личную жизнь. Но ее это нисколько не волновало. Яна была абсолютно счастлива в своем спокойном, предсказуемом мире, наполненном повседневными хлопотами, тихими вечерами на диване, чтением книг, редкими походами на выставки или в гости. В театр она принципиально не ходила. Даже на концерты ее было трудно вытащить. Яну не волновали чужие мнения, она не хотела жить по чужим шаблонам, ей хотелось делать лишь то, что она считала правильным и нужным. Замужество, очевидно, относилось к делам не нужным.

Она имела ровные отношения с коллегами мужского пола. Учитывая ее скромную внешность и полное отсутствие кокетства, никаких поползновений с их стороны не случалось. Даже на новогодних корпоративах, когда весь коллектив, накушавшись за казенный счет, терял человеческий облик и пускался во все тяжкие, так что потом полгода некоторые сотрудники не могли встречаться в коридорах компании без содрогания и дискомфорта, Яне удавалось без труда избегать неловких ситуаций.

Так все осталось и сейчас, подвела она черту под собственными отвлеченными размышлениями и взглянула на часы. До конца рабочего дня оставалось еще десять минут. Может, сходить к секретарше Рогутского, спросить у нее про папку? В конце концов, папка была Янина, документы должны были храниться у нее до подведения годовых отчетов. Но что-то ее останавлило. Может, память о холодном железном лезвии, мгновенным ужасом полоснувшем ее по телу, или о страшной ночи в лесном овраге, которую она может лишь представить? Но Яна никуда не пошла, а заперла дверь кабинета на ключ, как и велел Максимов, и принялась просматривать документацию за август и сентябрь, пытаясь найти хоть какие-то следы нелегальной партии норвежской рыбы.

Глава 9

Кажется, дело переходит в рабочую плоскость. Десять лимонов для такой компании, как «Рыбный путь», – сущие копейки – Тимофей уже навел неофициальные справки об оборотах компании, – но так то для компании. А вот, скажем, для ее отдельно взятого сотрудника даже процент от суммы – целое состояние.

Максимов никогда не работал в подобных организациях и плохо себе представлял, какие возможности для махинаций имеет сотрудник среднего или даже, скажем, высшего звена в частной компании. Могла эта партия быть пущена налево, затерта, а доход от нее лечь в чей-то карман? Или же главное здесь источник поставки? Норвегия попала под санкции, и закупка у нее продуктов питания – явное нарушение... чего? Закона, политики государства? И как это нарушение карается? Например, если рыба уже съедена? Ведь дело было в августе. И потом, может какая-нибудь проверяющая компания докопаться до подобного факта? Вопросов было много, и большую часть из них могла прояснить сама Яна.

Но Тимофею категорически не хотелось ничего с ней обсуждать. Вот не хотелось, и все. Он до сих пор помнил ее «гостеприимство» и повторять визит не имел никакого желания, а беседовать где-то на нейтральной территории... Где? А может, попробовать без нее обойтись? Список сотрудников у него имеется, можно найти специалиста, который проконсультирует его о возможных манипуляциях с крупной партией рыбы, и к тому же...

К тому же это будет долго, хлопотно и дорого. Последнее, впрочем, не важно, платит за все Курышев, а он от таких расходов не обеднеет.

И все-таки здравый смысл подсказывал ему, что наиболее продуктивным будет сотрудничество с самой Яной, к тому же она уже вышла на работу и, значит, имеет возможность на месте попробовать разобраться в происходящем. И, кстати, придется ей выделить водителя, с целью охраны. В самом офисе ей вряд ли что угрожает, дома тоже. Значит, надо обеспечить доставку от двери до двери, и заняться этим нужно уже сегодня.

Он свернул с проспекта, вынырнул из пробки и, снизив скорость, не спеша двинулся вдоль тротуара в поисках свободного пятка для парковки. Что все же делать с Сорокиной? Может, в машине поговорить? Нет. Это не дело, к тому же тесно и как-то несолидно. А что, если...

Тимофей взглянул в зеркало заднего вида и стал втискиваться между «Шкодой Ети» и «Тойотой».

Сегодня вечером он собирался встретиться с Миланой, может, объединить обеих дам? Он может пригласить Яну на ужин, заодно обсудить дела, а потом бы подтянулась Мила. Мысль Тимофею понравилась. Если Яне не захочется, чтобы он ее угощал, может сама оплатить счет. Он не возражает.

Тимофей, как и обещал, ждал ее в холле. Подтянутый, элегантный, в дорогом пальто. Эх, жалко, никто из девчонок их не увидит, мелькнула в Яниной голове чуждая тщеславная мысль, заставившая ее тут же нахмуриться и принять безопасный независимый вид.

– Добрый вечер, – чопорно поздоровалась она, протягивая руку. На ее лице не мелькнуло и тени улыбки.

Максимов, кажется, тоже не был расположен к излишним реверансам, а потому, сухо поздоровавшись, повел ее к машине. Усаживаясь в большую серебристую иномарку, Яна поздравила себя с правильно выбранной линией поведения.

– Яна, нам надо обсудить сложившуюся ситуацию, – заговорил Максимов, усевшись на водительское место и потихоньку трогаясь с места. – Я хотел предложить вам заехать в одно

спокойное место, поужинать и заодно побеседовать. Нам это по пути, а обременять вас своим визитом мне бы не хотелось.

Яна сморщилась. Тащиться в ресторан ей страшно не хотелось, хотелось домой на диван, переодеться, проверить шов и пораньше лечь спать. Но, видно, придется тащиться. Максимов четко обозначил, что надо обсудить дела, и сделать это придется в любом случае, остается выбрать место.

Нет. Лучше уж в ресторан. Возиться с ужином ей вовсе не хотелось, а он четко обозначил, что хочет есть. Что ж, имеет право.

– Хорошо, давайте заедем в ресторан, – проговорила она вслух и тут же обозначила: – Но я сама за себя плачу.

– Конечно, – легко согласился Максимов, и Яна почувствовала легкое разочарование.

Ресторан оказался небольшим и тихим, он действительно располагался на пути к Янинному дому. Девушка с удовольствием опустилась на мягкий удобный диван и взяла в руки меню. Может, и неплохо, что они сюда заехали, зато хоть поест нормально. С обедом у нее сегодня ничего не вышло, элементарно не хватило времени, сил на домашнюю готовку тоже не было, а так и волки сыты, она взглянула на Тимофея, сосредоточенно изучающего меню, и овцы тоже, закончила она на свой лад пословицу.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.